Гринберг А Змеевская
СОДЕРЖИТ НЕЦЕНЗУРНУЮ БРАНЬ
18+
Некромант для рыжей шельмы

Эрмегар

Александра Гринберг

Некромант для рыжей шельмы

«ЛитРес: Самиздат»

2018

Гринберг А.

Некромант для рыжей шельмы / А. Гринберг — «ЛитРес: Самиздат», 2018 — (Эрмегар)

Весна в Синтаре пахнет сыростью, виски и… кровью — знаменитый маньяк по кличке Зверобой снова вышел на охоту. И за его дело взялся не кто-нибудь, а сам коммандер Эгертон. У которого и так проблем хватает: разгильдяи-подчиненные; призраки прошлого, не дающие спать по ночам… и ушлая девчонка-заклинательница, постоянно влипающая в неприятности. И видят боги, проще сладить с целой дюжиной маньяков, чем с одной Билли-шельмой: ведь та может вмиг вывести из себя даже самого сурового некроманта.Содержит нецензурную брань.

© Гринберг А., 2018
© ЛитРес: Самиздат, 2018

Александра Гринберг, Анна Змеевская
Некромант для рыжей шельмы

Глава 1

– Здорово, Билли! – пропищал вертлявый мелкий пацаненок и прошмыгнул мимо.

Точнее, попытался прошмыгнуть, но тут же был вздернут за шкирку.

С самой невозмутимой физиономией Билли вытянула из цепкой ручонки свой кошель, сунула его обратно в карман пиджака, влепила грустно сопящему пацану подзатыльник и покачала головой.

– Ночи, Тедди, – недовольно начала она. – И сколько тебя, раздолбая, учить? Не щипай магов! Ну мало, что ли, лохов по улице гуляет?

– Ты разуй глаза, м-мать твою! – огрызнулся пацан, на сей раз уже совсем не детским голосом. Билли удивилась бы, если бы не знала, что этому коротышке пошел шестнадцатый год. – Вечер на дворе, и вообще погода говно. Все нормальные люди по норам забились; только тебе, шельме, на жопе ровно не сидится.

– Не сидится, – кивнула она, весело ухмыляясь, и вытянула из внутреннего кармана портсигар. Достала одну сигариллу, неспешно раскурила, вызвав яркую алую искорку на кончиках пальцев. – Это ж я, ну… Мэла не видал? Подскажешь, где этот засранец сегодня зависает?

Она ожидала уже ставшее традиционным «А мне-то что за дело?», после которого следовало такое же традиционное возложение деньжат в чумазую ладонь. Однако Тед гнусаво заржал и весьма охотно поделился:

– Не видал его сегодня. Ни здесь, ни в Низине, – тут он похабно подвигал бровями. – Слушок пошел, вы, голубки, опять разосрались! Чтоб ты знала, детка, мне этот шлюшонок никогда не нравился. Треплется больно много!

Очень ёмкая характеристика. Билли лишь презрительно скривила рот, хотя вспыхнувшая внутри тупая ярость толкала к активным действиям.

Например, выкорчевать из бруса кованый фонарь и пару раз уронить «шлюшонку» на кудлатую башку.

Чтоб трепался поменьше.

– Вот и мне он что-то разонравился. Ладно, говоришь, не появлялся?

Тедди замялся, однако стоило отсыпать ему горстку серебрушек, как энтузиазм вернулся с избытком.

– В Восточной стороне его видали, близ Креста. Там ищи. А в Низине о нём мальчики Найри-ши справлялись. Небось опять в долгах по уши, а разгребать Билли-шельме.

Вот что-что, а искать она никого не собиралась. Равно как и вытаскивать из очередной неприятности. Хотя то, что Мэл перешел дорогу местным авторитетам, могло добавить проблем уже самой Билли: на теневой стороне Синтара каждая собака знает, у кого на шее висит – висел! – бестолковый кретин Мельхиор. (И сам кретин, и имя у него кретинское.)

– Э, нет, мой сладенький! – она надула без того пухлые губы и картинно погрозила пальцем любопытно глазеющему щипачу. – Ты порасскажи кому надо, что всё, прикрылась лавочка. Билли-шельма свободна как птица, а Мэл теперь своё дерьмо разгребает сам.

– Я-то порасскажу, – неуверенно хмыкнул Тедди, – но Найри-ши… С него же станется слать тебе Мэла по кусочкам.

С Найри не станется. И это, пожалуй, даже печально.

Она злорадно улыбнулась и сунула мальчишке ещё две монеты.

– По кусо-очкам? О, звучит прекрасно! Жду с нетерпением, донеси это до всех своих дружков. Да подоходчивее, Тед. Подоходчивее.

Какое-то время Тед изумленно глазел на тускло-желтые кружки. Затем, воровато оглянувшись, выхватил золото и упрятал куда-то за пояс. И с оскорбительным сочувствием заметил:

– Ох, и сильно же он тебя обидел.

Билли молча хлопнула его по плечу и прошла мимо.

«Обидел» – немного не то слово. Несерьезное оно какое-то. Подразумевает не только вопли до небес да кулак в морду, но и неразумное, неизбежное прощение.

Билли устала обижаться и устала прощать. Настало время для чего-то новенького.

Она недовольно тряхнула головой, пригладила рассыпавшиеся по плечам пышные волосы, пуще прежнего взбунтовавшиеся от влаги. Погодка впрямь не радует. Начало весны в Западном пределе – сплошное недоразумение. Только ко второму месяцу, когда всё подсыхает и расцвечивается зеленью, эта бескрайняя прорва жидкой грязюки и кропящего дождя делается попригляднее.

Но до той поры ещё дожить надо. Сейчас же во всём теле ощущалось уверенное такое «упасть и сдохнуть».

– Упа-асть и сдо-охнуть… – негромко протянула Билли, подкуривая ещё одну сигариллу и с наслаждением вдыхая ароматный эвкалиптовый дым.

Падать и сдыхать хотелось вовсе не из-за ссоры с мудаковатым полюбовничком – вот ещё чего не хватало, она не какая-нибудь неуравновешенная дурочка. Нет, причина куда более приземленная: Билли полночи ловила блуждающих огоньков на болотах Руот'Шэрре, а затем, едва проспавшись, до самого вечера заклинала эти долбаные огоньки, запирая их в ажурных светильничках. Итого сорок, мать их, штук. Расчудесная Ханнэ-фэ обожала вешать на неё заказы из категории «закончить надо вчера», однако и платила за такие вдвое. Пусть Билли нынче валится с ног, но ужин из пяти блюд и чек на сто двадцать золотых монет примирили с действительностью.

Да, Ханнэ её высоко ценит. А как иначе-то? Трудновато будет этой дивной занозе сыскать другого сильного заклинателя, который не пахал бы на Гильдию. Да что уж там, таких по пальцам можно сосчитать… В столице с частным предпринимательством дела идут куда лучше, но вот Синтарийская Гильдия Заклинателей не терпит посягательств на свою монополию. (Непочтительную и своевольную засранку Билли Фоули она не терпит особенно.)

Едва толкнув двери «Веселого лепрекона», Билли выразительно закатила глаза: местные завсегдатаи мигом её заприметили. И тут же принялись кидать красноречивые взгляды да шептаться над кружками. (Ох, лучше бы они по обыкновению горланили с перепоя про «клёвые ножки» и «рабочий ротик»… как известно, мириться лучше со знакомым злом.) Ещё бы, новость дня – Билли-шельма хочет себе парной кусочек Мельхиора… Видят боги и богини, иные матёрые наёмники любят посплетничать пуще базарных теток.

Окинув кучку особо шумных болтунов тяжелым взглядом, Билли мысленно махнула на всех рукой и плюхнулась за стойку.

– Здорово, шельма! – тутошний управляющий, старый-добрый Кит Белл, встретил её кривой ухмылкой и хорошей порцией виски со льдом. Место наверняка тоже он придержал: в пабе сегодня было людно. – Обожди-ка… – рядом со стаканом прямо из ниоткуда появилось блюдце с её любимым соленым миндалем. – На, поклюй вот. Потроха Мэла нам не завезли, уж извиняй.

– Какая досада! О чём только думает ваш шеф? – Билли сделала огромные глаза и кинула в рот горстку миндаля. Орехи она всегда любила, а уж миндаль могла лопать целыми мешками. – Что, я теперь Билли-брошенка? Имперские прорицатели объявили неделю шуточек про Мэла?

– Зришь в корень, Билли-брошенка.

Из чужих уст это звучало уже не так забавно. Точнее, вовсе даже отвратительно.

– А и хрен на вас всех! – она дерзко усмехнулась, салютуя бокалом сидящему неподалеку симпатичному брюнету. – Честное шельмино слово: мне приходилось слышать вещи и похуже.

Перекинувшись с ней парой слов, Кит отошёл. Прошло какое-то время (а ещё три сигариллы и полтора стакана), прежде чем запримеченный ранее брюнет с робкой улыбкой пересел на освободившееся рядом местечко.

– Это что, карандаш?

Пожалуй, это не было в списке вопросов, которые Билли ожидала услышать от такого симпатяжки.

– Серьезно? – воскликнула она с недоверием. – Ты за четверть часа не смог придумать подкат получше?

Улыбка на красивом бледном лице стала шире.

– Не-а.

– Ну ладно, – Билли пожала плечами и, вытащив из-за уха упомянутый карандашик, принялась крутить его в пальцах. Руки у заклинателей нервные, беспокойные, их всё время чем-то приходится занимать. Рисование вполне годилось; тем более что она рисовала сколько себя помнила. – Это карандаш. Ты прям до Бездны наблюдателен, мой пирожочек. Следующий вопрос?

– Часто здесь бываешь?

Следовало догадаться… Она усмехнулась и кокетливо тряхнула волосами, снова закуривая. Обычно Билли курила куда меньше, но сегодня… в общем, день такой сегодня. Да.

– Куда чаще тебя, симпатяжка. Иначе ты непременно знал бы, кто я и с чем меня едят.

– Твоя правда, – согласился парень чуть виновато. – Ну… я Найджел, а ты?

– Билли.

Полным именем она, кажется, не представлялась с тех самых пор, как закончила Академию. Ибо ну кошмар же.

– Рад знакомству, Билли! Угостил бы чем-нибудь, да боюсь, что тебе уже хватит.

Билли не удержалась и закатила глаза. Она впрямь уже здорово опьянела, однако мыслила по-прежнему ясно. И отлично понимала, что с этим Найджелом потом проблем не оберёшься. Такие правильные мальчики просто неспособны перепихнуться разок и пойти по своим делам. А ничего иного сейчас не хотелось – только пить и трахаться, всё равно с кем; и снова пить, тщетно заливая бездонную дыру в груди…

Нет, похоже, ей действительно уже хватит. Разумеется, скакать из койки в койку или не скакать – личное дело каждого, и всё же Билли подобный образ жизни внутренне осуждала. Несмотря на свою сомнительную репутацию и бурную студенческую юность, по натуре она моногамна.

И даже это ублюдок Мэл умудрился поставить ей в вину…

– Хватит так хватит, – покладисто кивнула она, заложив карандаш обратно за ухо. – В другой раз.

– В другой раз, – эхом откликнулся Найджел. Большие карие глаза в обрамлении густейших черных ресниц глядели прямо-таки с щенячьей грустью. – Что, уже уходишь?

Подумав, она кивнула снова. В хмельной голове крепчала явно дурная мысль прихватить милашку Найджела с собой. Уж очень похож на щеночка: впору прятать в карман да нести домой. Однако – то ли к счастью, то ли к сожалению, – додумать эту мысль Билли не дали.

– Слышь, шельма, – послышался за спиной чей-то ломкий басок, – разговор есть.

Билли обернулась к говорившему, смерила того едким взглядом.

– А-а-а, так это ты!.. Хм, слушай, а кто ты?

– Саймон, – мрачно поведал плечистый мужик, одернув вышитый серебром шейный платок. Аккуратно причесанный, в идеально отглаженном сером костюме модного покроя, этот

мать-его-так-Саймон выглядел почти приличным человеком. Пока не открывал рот. Говорок и лексика мигом выдавали местечкового бандита.

– Саймон, – в задумчивости повторила Билли, приторно улыбаясь и туша окурок о край бронзовой пепельницы. – Ладненько, и чем я могу помочь, *Саймон*?

– Мэл.

– Погоди, мы вроде как установили, что ты Саймон?..

– Кончай эти свои свистопляски, шельма! Где твой Мэл?

– Не мой, так что знать не знаю.

В шумном пабе делалось всё тише и тише; атмосфера сгущалась, становилась давящей. Кто-то осторожно коснулся её локтя; Билли нетерпеливо повернула голову и уставилась в посерьезневшее, неуловимо изменившееся лицо Найджела.

– Какие-то проблемы? – спросил тот, недобро хмурясь.

– Не бери в голову, симпатяжка.

Одним глотком допив виски и с хрустом раскусив кубик льда, Билли громко стукнула бокалом о стойку и поднялась с табурета. Удобнее говорить со всякими недружелюбными засранцами, когда глядишь сверху вниз. А когда Билли при своём без того немалом росте взгромождалась на каблуки, то глядела так почти на всех.

Обнаружив, что едва достает макушкой до подбородка смазливой девицы, здоровяк Саймон заметно спал с лица и, похоже, ощутил неловкость. Но тут же грозно нахмурился и скрестил руки на груди, мощными плечами распирая свой щегольский костюмчик цвета соли с перцем.

– Мэл где? – снова рявкнул он. – И не гони, мол, не знаешь. Всё ты знаешь, сучара ушлая!

– Ну, положим, не всё, но-о…

– Этот шлюшонок мне сотню торчит! Или давай мне его сюда, или рассчитывайся!

– Я не знаю, где Мэл, – отрезала Билли – на сей раз холодно, без привычных ужимок. – И не хочу знать. Я ему не жена, не мать и не грёбаная нянька – вообще никто. Да какого хрена, мужик?! Заткни-ка свою поганую пасть и отвали по-хорошему, иначе я разозлюсь. А ты не хочешь, чтобы я разозлилась, сладенький. Поверь. Не хочешь.

Саймон, явно непривычный к угрозам от смазливых девчонок, ошалело хлопал бесцветными глазками. Не дожидаясь, пока он найдется с ответом, Билли насмешливо склонила голову и неспешным шагом побрела на выход, стуча каблуками.

Она не любила и не умела проигрывать, но всё же пришлось неохотно признать – гулянка не задалась.

Пока она распивала виски и окучивала «щеночка», погода испортилась пуще прежнего. Ветер поддувал под короткую юбчонку; дождь уже не накрапывал – буквально пропитывал холодный воздух мельчайшей водяной пылью, заставляя липнуть к коже прядки волос и ткань рубашки. Билли недовольно поежилась, застегнула пару пуговиц на кожаном пиджаке, сунула руки в карманы и пошла вниз по темной улице. Над головой серело затянутое тучами небо, полыхали фонари. Те, что потускнели, Билли машинально подновляла уже севшим на подкорку заклинанием. Утомленный организм не одобрял этакой гражданской сознательности, ну да какая разница? Чары не затратные, от резерва ещё кое-что осталось, до дому она доползет… как-нибудь…

Хотя домой-то она и не рвалась. Билли нравилась её тесная, но уютная квартирка с несуразно высокими потолками и красивым витражом в гостиной… однако там до Бездны одиноко сейчас, когда она выкинула прочь ублюдка Мэла вместе со всем его барахлом. Немногочисленным барахлом, ведь съехаться они так и не съехались… И слава богам.

– И слава богам, – хрипло прошептала Билли, глядя себе под ноги, на мелкие пузырьки в мутной лужице и на перепачканные белые туфли, вроде как осенние, но всё же преждевре-

менно вынутые из коробки. Она недовольно шевельнула пальцами – и туфли снова засияли, как если бы мягкую светлую кожу только что протерли и начистили до блеска.

Всё же хорошо быть заклинательницей. Офигенно просто.

Некстати вспомнилось, как Мэл, всегда такой развязный и самоуверенный до высокомерия, неуклюже плюхнулся на колени прямо в грязь и заполошно хватал её за руки. До боли, до синяков; умоляя, *заклиная* простить.

«Что хочешь, Билли! – надрывался он. – Что хочешь сделай! Избей до полусмерти, да убей к Хладной, только прости… не смотри, не смотри так!..»

Билли и рада бы сделать ему больно. Однако ей не хватало ни жестокости, ни воображения, чтобы придумать нечто равноценное. Нечто, хоть отдаленно напоминающее то, что испытала она сама, увидев Мэла рядом с той девицей. Маленькой и хорошенькой, словно кукла. И слишком милой, чтоб её ненавидеть.

И уже явно беременной, что её ничуть не портило.

И влюбленно глазевшей то на Мэла – на *её* Мэла, – то на новенькое колечко. Людишки вместо браслетов носят помолвочные кольца, так ведь?

«Я должна убить её, – ответила Билли тогда, брезгливо вытягивая руки из чужой хватки. – Затем я должна убить твоего ублюдка. И вот потом взяться за тебя. Вот тогда, *любовь моя*, мы будем квиты».

Разумеется, ничего такого она делать не стала. Кровожадность и безумство темных магов сильно переоценивают. Да и брюхатая девчонка не виновата, что у одного мерзавца член в штанах не держится.

Билли почти дошла до портальной площади, когда сквозь мерный шепот дождя до неё донесся писк – довольно громкий и до того жалостный, что внутри всё сжалось. И нужно было иметь сердце размером с маковое зернышко, чтобы просто пойти дальше. Она замерла на месте, напряженно прислушиваясь. Как назло, зверек молчал почти минуту, прежде чем снова подать голос.

– Ага, вот ты где, – кивнула Билли сама себе и свернула налево, в темный проулок между двумя разномастными лавчонками. – Да чтоб тебя… Киса-киса-киса!..

«Киса» снова затихла: наверное, не стоило так голосить. Чертыхнувшись про себя, Билли зажгла зеленоватый огонек над раскрытой ладонью и принялась осматривать пространство между здоровыми мусорными ящиками.

Поиски неведомой зверушки так увлекли, что она не расслышала тяжелые шаги за спиной. Точнее, расслышала – но слишком поздно.

Она даже не почувствовала боли – удар по голове отозвался громким, натужным звоном в ушах и ощущением посыпавшихся из глаз искр.

Ой, кажется, искры и впрямь посыпались… Билли поприветствовала задницей дорожную брусчатку и тут же спешно зажмурилась, решив, что с её пустым резервом прикинуться ветошью – самый лучший вариант. Да и численный перевес смущал… немного. Она, конечно, любила приосаниться, мол, я десять лет занималась вольной борьбой… да только это было ещё десять лет назад! На факультете заклинательства стало как-то не до драчек. О нет! Её там больше учили спортивному фехтованию. А ещё этикету и – ф-фу! – игре на фортепиано. В боевой магии она бездарна чуть менее, чем полностью; на пару тройку хороших тёмных проклятий была горазда, но нынешних ошмётков резерва тут явно не хватит.

«Ну вот и что я, блин, должна делать?! – с ноткой отчаянья подумала Билли, стараясь не засмеяться в голос. – Сыграть “Пятый концерт Сориано”? Простите, я только сбегаю за оркестром! Один момент, туда и обратно!..»

Она оборвала поток истерично скачущих мыслей и мерно задышала на счёт. Ладно, впервой, что ли? Билли-шельма бывала и в худших передрягах, вывернется как-нибудь. Голова только немного кружится; но вроде обошлось без последствий типа проломленного черепа.

Спасибо богиням, что дали Билли Фоули не просто умную, но ещё и феноменально крепкую башку.

Как сквозь пелену она слышала ругань Саймона и его дружков, решающих, что с ней делать и в какой последовательности. Оставлять в живых её не хотели, что не очень-то обрадовало. Она бы предпочла разойтись по-хорошему… Затем кто-то принялся шарить по её карманам, попутно лапая всё, до чего смог дотянуться. Билли едва не передернуло от омерзения, когда холодная грубая ладонь влезла под юбку и легла на голую кожу выше подвязки чулка.

– Понимаю Мэла, – хохотнул Саймон – похоже, это он её обыскивал. Билли также расслышала характерный звук выкидного ножа где-то над левым ухом. Значит, Саймон правша? Славненько. – Эта языкастая шлюха и впрямь премиленькая, когда молчит.

– А какой роскошный ротик! – радостно прогнусавил кто-то из дружков.

– И не говори, Джас. Мы просто обязаны его опробовать.

Нож плашмя лёг между ключицами, опасно щекоча кожу – кажется, мерзавец решил разрезать на ней рубашку.

Это он зря, конечно.

Билли открыла глаза и, нежно улыбнувшись ошалевшему от такого поворота Саймону, боднула того головой в лоб. Её собственной голове, и так ушибленной, это не понравилось; однако боль и головокружение было легко игнорировать на волне ярости, затопившей доверху.

А следом послышался хруст костей и истошный вопль. Визжал заправский бандюган высоко и жалобно, почище любой девчонки. Он мигом позабыл обо всех роскошных ротиках на свете и принялся баюкать своё изувеченное запястье.

– Ну что ж, – дрогнувшим от бешенства голосом выдохнула Билли, чуть пошатываясь на высоких каблуках, залихватски крутя в руке нож Саймона и злобно скалясь, – сейчас вы, с-суки, меня опробуете. Хор-рошенько опробуете!

Дружки Саймона ошарашенно переглянулись. И, скроив суровые морды, двинулись к ней.

Это они тоже зря. Не стоит лезть к разозленной тёмной магине, если не хочешь отвечать за последствия.

***

Нет времени тревожнее и приятнее, чем конец рабочего дня. Особенно когда он ещё и конец недели. Не то чтобы у полиции вообще хоть сколько-нибудь нормированный рабочий день, но должность коммандера некроотдела имеет кое-какие преимущества. Например, можно невозбранно курить и потягивать виски прямо в своем кабинете.

Что Максимиллиан Эгертон – он же Макс, полным именем по понятным причинам не представляющийся почти никогда, – и делал, косо поглядывая на стопку отчетов. Потому как на трезвую голову и без крепкой сигариллы читать весь тот сказочный бред решительно невозможно. Взять хотя бы Френсиса. Ведь умный же мальчик, шестой по силе некромант в Синтаре – а разгильдяй, каких свет не видывал. Оно и немудрено – с боевкой как поведешься, так все мозги пропьешь и не заметишь. Даже некромантский дар мог не спасти – Макс слишком хорошо помнил, чем заканчивались пьянки с коллегой по коммандерскому цеху Анджелиной Доусон.

Он стряхнул пепел в чашку (жуткая подделка под эссенский фарфор), затянулся еще пару раз, прежде чем снова уткнуться в увлекательное чтиво.

– «Несанкционированное некровоздействие продолжительного действия вызвало досрочное умерщвление пострадавшей Алисии Додж…» Действие, воздействие, мертвые пострадавшие… Так, кто это у нас такой знаток общеимперского? – Макс потер глаза – как и предполагалось, выпивки и табака хватило ровно на две строчки. – А, Эллиот Фокс, отличничек и гордость Академии. Садись, два.

Он плеснул в стакан ещё на два пальца виски – часы будто замерли на отметке в семь часов, ни в какую не желая двигаться дальше. Можно бы, конечно, отложить почеркушки вчерашней студентоты до лучших времен. Но увы, коммандер Эгертон самую капельку любил свою работу и терпеть не мог оставлять дела сделанными наполовину. Не перед выходными уж точно – не хватало ещё всю дорогу думать, кто, кого и как расчленял. Пусть страдают капитаны, а он не для того пахал на родной отдел несколько десятков лет, чтобы омрачать себе барбекю на заднем дворе в компании кота.

– Ну, и чем ты тут занимаешься в такое время?

Макс поднял голову – в кабинет, звонко цокая умопомрачительной высоты каблуками, вошла Эва Гордон. Столь же умопомрачительная женщина, по совместительству бывшая жена.

– Проверяю сочинения своих оболтусов. Не желаешь приобщиться?

– Вот уж нет! – фыркнула Эва, усаживаясь в кресло напротив и закидывая ногу на ногу. Макс невольно залюбовался тем, как в фривольном разрезе платья оголилось бедро, обтянутое сеткой чулка.

Они не были женаты вот уже пятнадцать лет, а Макс всё еще не мог отказать себе в удовольствии любоваться ею. Красивые женщины этого достойны, независимо от их статуса. Тем более что расходились они полюбовно, без скандалов, как и положено взрослым людям, знакомым ещё со студенческой койки.

– Жаль, сплошное веселье! – он захлопнул-таки многострадальную папку, сделав себе мысленную заметку – отправить Фокса на уборку морга. – Какими судьбами, дорогая?

– Решила, что если не приду, то ты помрешь тут от голода и отвращения. Как видишь, угадала, – Эва закатила глаза и выставила на стол бумажный пакет с фирменным логотипом «Ворона и розы» – его любимого ресторана. Сняла стазис – по кабинету тут же поплыл аромат грибов и тушеного мяса.

Макс с наслаждением принюхался. И вспомнил, что за неторопливой беседой в компании генерала и отменного бренди совсем забыл пообедать. А маги и еда, как известно, вещи взаимодополняемые. Он потянулся к пакету, но тут же отдернул руку и с сомнением глянул на бывшую супругу – Эва нередко баловала его то обедами, то ужинами, как сейчас, но почти всегда это предвещало всяческое… участие с его стороны. Чаще всего финансовое.

– И во сколько мне обойдется спасение от голодной смерти?

– За кого ты меня принимаешь?! – возмутилась Эва. Человек, плохо её знающий, наверняка поверил бы. А вот Макс прекрасно знал, что искренности в её тоне нет ни на гран.

– За тебя, дорогая. Так сколько?

Эва недовольно скривила свой симпатичный нос, дернула острыми плечами и трагически вздохнула, прежде чем сообщить:

– Всего восемь золотых.

– Всего? – усмехнулся Макс. На эти деньги можно неплохо жить добрую неделю, обедая и ужиная всё в том же «Вороне и розе». Между прочим, самой дорогой ресторации Синтара.

– Но те туфли просто божественны! – Эва всплеснула руками и трагично прижала их к груди. – Ты бы их видел, Макс! Натуральная кожа шафрийского питона, от самого мастера Лафортена, моего размера! Ты же сам знаешь, как сложно найти туфли на мою ногу!

О, он знал – «изящной» ножке Эвы его форменные ботинки были великоваты всего на полдюйма.

Пришла очередь Макса вздыхать – просто для проформы и пущей драматичности – и тянуться к сейфу, благо при его должности таковой положен по Уставу. Он отсчитал восемь монет из денег, что всегда держал на всякий случай, и положил перед женой. В бездне, только по недоразумению носящей звание дамской сумочки, те исчезли за пару мгновений.

– Вот объясни мне, милая: отчего, будучи архимагом-заклинателем, ты всякий раз просишь у меня денег? Мы даже уже не женаты!

– Всё просто, – Эва усмехнулась, потянулась к его портсигару и закурила, выпуская облачко дыма, – тратить чужие деньги куда приятнее, чем свои. А ещё – ну разве тебе жалко каких-то пять-десять золотых для своей любимой бывшей супруги?

– Ещё про лучшие годы жизни скажи, – фыркнул Макс и кивнул на бутылку виски. – Будешь?

– Спрашиваешь! Высокогорный? – Он согласно кивнул. – Обожаю тебя!

Пока Эва медленно потягивала виски из тонкостенного бокала и курила, Макс решил потратить последние полчаса до конца рабочего дня с пользой. А именно отужинать любезно принесенной едой, обошедшейся ему в восемь золотых. Жадным он не был (иначе не видать Эве новых туфелек, сумочек и прочих милых её сердцу радостей как своих ушей), но при мысли о туфлях из кожи питона сердце обливалось кровью. Не из жалости к несчастной рептилии разумеется. Восемь золотых на какие-то тапки, подумать только! Некоторым и действующие жены обходятся куда дешевле. (Таковых «некоторых», правда, Макс величал мудаками.)

– Какие планы на вечер? – небрежно поинтересовалась Эва, когда с мясом, грибами и последней на сегодня порцией виски было покончено.

Макс смахнул пакеты в мусорное ведро, спрятал бутылку в сейф и поднялся. Жизнь стала казаться чуточку лучше, а недопроверенные отчеты не такими и ужасными. Он и сам в бытность свою рядовым писал те ещё поэмы. И тоже был отличником, да.

– Пожалуй, схожу на свидание, – потянувшись и расстегнув пуговицы на форменном кителе, отозвался он. Конец рабочего дня – пора превращаться из грозного коммандера в кого-нибудь попроще. – Только сначала проверю свой курятник. А то подозрительно тихо. Не к добру.

Последние слова Эва предсказуемо проигнорировала – новости о грядущем свидании показались ей куда более интересными, чем работа некроотдела. А зря, где ещё найдешь столько веселья? То искусно разделанные трупы посреди городской площади, то кровавый ритуал в честь очередного мелкого божка, о котором знают полтора инвалида. Не работа, а мечта! Особенно если с мёртвыми у тебя отношения складываются куда более теплые, чем с живыми.

– Мой любимый бывший муж наконец нашел себе девочку? – она тоже поднялась и театрально всплеснула руками. – Или – помоги Хладная – мальчика? Хочу знать все подробности, Максимиллиан Эгертон! Куда ты её пригласил?

– В бордель, – хмыкнул Макс, с удовольствием любуясь вмиг поскучневшим лицом Эвы. – Свидания в специально предназначенных для этого местах чудо как хороши. Тебе ли не знать, милая?

– Пф, никакой в тебе загадки, дорогой, – она расправила платье, взмахом руки придав помятой ткани первоначальный вид, и позволила ему помочь с пальто. – Хотя тот мальчик, Эндрю, кажется, был весьма и весьма…

– Настойчиво рекомендую девочек мадам Селины. Среди них встречаются прелестные и на удивление образованные особы. И потрахаться, и поговорить – мое любимое сочетание.

– Хм, заинтересовал, – Эва изогнула ярко-красные губы в полуулыбке. – У Сэл всегда был отменный выбор шлюх: любого пола, расы и расцветок. Уж не присоединиться ли мне?

– Боюсь, в этом случае даже моей коммандерской зарплаты не хватит. Да и твой Виктор подобной инициативы не одобрит.

– Точно, я и забыла, что замужем, – она картинно скривилась. – Это ты на меня плохо влияешь, напоминаешь о прелестях свободной жизни.

Повлияешь на такую, как же.

На самом деле Эва своего юного супруга (младше неё на добрых двадцать лет!) любила настолько сильно, насколько было способно её циничное сердце образцовой заклинательницы. С Виктором она познакомилась, когда была ещё замужем за Максом, но уже всерьёз подумы-

вала о разводе – ибо скучно. Оно и немудрено, когда вы знаете друг друга с самого малолетства, а женились только потому, что это было выгодно обоим.

Эва, ушлая девица родом из аэльбранских трущоб, слишком хотела вылезти в люди (что Макс, будучи человеком прагматичным, понимал и всячески одобрял). Он же мечтал как можно сильнее насолить родовитому папашке. В чём преуспел – от одного вида невестки пафосного лорда Эгертона трясло едва ли не сильнее, чем от сына-некроманта в родословной. За одно зрелище в виде его дергающегося глаза Макс считал себя обязанным Эве до конца жизни. Потому и отпустил легко, не забыв припугнуть нового парня своей жены, что превратит его в нефункциональный кусок мяса, если тот вздумает её обидеть. Виктор, не будь дурак, клятвенно заверил, что он ни за что и никогда, а госпожа Гордон – мечта и любовь всей его жизни.

В общем, ладненько всё у них сложилось. Как и у самого Макса, которому свободная жизнь с котом вполне понравилась.

Проводив супругу до лестницы и подумав с добрую минуту, а не выместись ли из предбанника морга следом за ней, он всё же направился обратно. Проверить своих детишек перед выходными было необходимо – напомнить, что через два дня родной гадюшник ждут все смертные казни разом, если натворят что-нибудь эдакое. Например, устроят попойку в морге – был уже случай. Разумеется, без Френсиса-мать-его-Мюррея там не обошлось. Без него вообще редко какой трындец обходится.

Кабинеты отрядов уже опустели, только сержант Анна Лерой из первого была на месте – два дня назад им удалось закрыть дело об убийстве трех человек, чьи трупы выловили из реки. Со всеми вытекающими (в прямом и переносном смыслах) в виде отсутствия магических эманаций и нытья генерала, что дело необходимо раскрыть, даже если на консультацию к Хладной придется обратиться, явившись напрямую в чертоги. К делу пришлось подключаться самому Максу, а теперь их ожидает бесконечная бумажная волокита – надо же документально подтвердить вину убийцы. Как назло, какой-то местной шишки, из-за чего шушера из юридического мотала нервы похлеще всех преподавателей Академии накануне экзаменов.

Перекинувшись с Анной парой слов, он велел ей идти уже домой – преступник из охраняемой камеры никуда не денется. А вот некромант, уставший и с развлечениями в виде кошмаров, может наломать немало дров. Это Макс знал по собственному опыту.

В участке и впрямь было тихо. Пожалуй, слишком тихо для его буйных детишек, коекому из которых уже давно перевалило за пятьдесят.

Не к добру.

Ещё и нога заныла – то ли к снегу посреди весны, то ли к неприятностям.

Макс свернул к допросным, припомнив, что недавно у дежурного третьего отряда был вызов на место убийства. И не прогадал – двинутая компашка во главе с Френсисом (на деле с капитаном Бэйли, но кого это волновало?) обнаружилась там, почему-то вместе с Найджелом Бёрком, капитаном второго отряда, смена которого вообще только послезавтра. А ещё с крохотным, грязным бело-рыжим котенком, пищащим в руках бедняги Бэйли, которого весь творившийся долбаный цирк и веселил, и достал уже до печенок, судя по выражению бледного, по-дивнючьи заостренного лица.

– Я полагаю, – протянул Макс вкрадчиво, входя в почти лишенную мебели комнату, – каждый из вас прямо-таки жаждет рассказать, что здесь творится. Кто же начнет? Френсис?

– Чё у тебя сразу Френсис? – возмутился тот. – Бёрк с Бэйли это чудо приволокли. А я так, котика пришел погладить!

Макс вымученно вздохнул и, не удержавшись, погладил испуганно дрожащего зверька между ушами.

– Пожрать бы ему хоть дали, тощий же как палка, – ворчливо заметил он. – Так, нет, с котиком потом разберетесь. Чудо где?

– Разуй глаза, шеф! – Френсис буквально прилепился носом к зачарованном стеклу, отделяющему допросную камеру от холла, в котором столпилась добрая дюжина некросов. – Смотри, какая лапочка! Я б такую… допросил с особым пристрастием…

В допросной восседала, по-другому не скажешь, нахального вида девица. Бледнющая, глазастая, томно улыбающаяся, даже на первый взгляд кажется очевидной пройдохой. Не по погоде светлая одежка расцвечена пятнами крови, как и лицо, и нервные, подвижные руки. Закинув одну непристойно длинную ногу на другую, девчонка увлеченно что-то выводила огрызком карандаша в небольшой записной книжице.

Наконец-то вдоволь наглядевшись на «лапочку», Макс деловито поинтересовался:

– Её что, не обыскали?

– Обыскали, – растерянно откликнулся капитан Бэйли. – Изъяли два ножа, пузырек с кислотой и четыре проклятых кристалла – неплохо девочка оснащена. Остальное брать не положено, она пока что пострадавшая.

– Пострадавшая, – повторил Найджел, нервно усмехаясь. – Эндрю, она завалила трех здоровых мужиков. Без магии, хотя татуировки на ней есть.

– И как же она это провернула? – заинтересовался Макс. Так называемая пострадавшая казалась особой чересчур хитрожопой, но в целом вполне безобидной. Эдакая цивильная городская девочка, неприлично смазливая да разряженная в пух и прах. Узкое личико в облаке пышных тёмно-каштановых волос, тоненькая шея, трогательно-хрупкие ручонки… и три здоровых мужика? Да быть того не может…

– Первого вскрыла его же ножом от ключиц до пупка. Второму вогнала карандаш в глазницу. Последнего здоровяка удушила голыми руками. Нет, ты представляешь? Вот этими хиленькими ручками! Сильная она, а так с виду и не скажешь. Демоны, что ли, в родне потоптались?..

…ну, или всё-таки может. Бездна их знает, этих полукровок.

– То есть после всего этого она пострадавшая? – теперь нервозное веселье Найджела передалось и ему.

Конечно, за годы службы он всякого навидался, но вот это уже что-то относительно новенькое. Макс хмыкнул и уже по-новому взглянул на прелестные ножки, благо на девице была новомодная короткая юбчонка. На второй взгляд ножки оказались не просто прелестные, но и довольно сильные. Как если бы их обладательница занималась бегом или ещё какой физической активностью…

Разумеется, из всего многообразия «физической активности» в голову тут же полез самый предсказуемый вариант. С участием стола в допросной, табельных наручников и прочего пригодного инвентаря…

Тьфу! Не девица, а ходячее непотребство какое-то.

Нет, приличным коммандерам думать такое о ровесницах собственного сына не положено. Вместо того чтобы мысленно раскладывать на столе подозреваемую – да тьфу же, пострадавшую! – определенно стоит послушать, что Бёрк расскажет.

– …говорит, первые начали, башку ей чуть не пробили. Вроде не врёт: имеется сильный ушиб и легкое сотрясение мозга. В участок сама пошла, не сопротивлялась, согласие на верхнее сканирование дала. В общем, ты правила знаешь… и она тоже явно знает, – Найджел растерянно пожал плечами. – Стоим вот, ждём менталиста…

– …и котиками балуемся, – язвительно закончил за него Макс. – Кошак-то здесь каким местом замешан?

– По словам девчонки, котика она по помойкам искала, когда на неё напали, – охотно пояснил Эндрю, почесывая за ушком присмиревшего котенка. – Блин, шеф, вот это был цирк с конями! С котами то есть. Никуда, говорит, не пойду, пока котика не найдем. Нет, я бы

с этой сучкой не церемонился, но Бёрк по ходу на неё запал и принялся играть в доброго полицейского…

– Ну, не всем же играть в злого, – невозмутимо парировал Бёрк. – Чего там искать-то было? Контрольную сеть раскинул и готово…

Макс глянул за стекло – девчонка так и кропала что-то в своем блокнотике. Нервно-суетливая, ничуть не похожая на убийцу, как и на любительницу котиков. Зато отлично умеющая манипулировать людьми. Не всякий менталист сможет заставить некроманта лазать по помойкам, когда рядом красуются три трупа.

Зато вот эта заклинательница может – что девица из синей братии, нет никаких сомнений. Он прожил с одной из них достаточно, чтобы узнать и подвижные пальцы, и постоянно бегающий взгляд, и даже росчерки татуировок на кистях рук.

– То есть я правильно понял, – протянул Макс, – соплячка-заклинательница заставила офицеров некроотдела доставать ей из мусорки котика? Сильна, шельма. Трупы посреди улицы хоть не забыли, герои-любовнички?

– Почему любовнички? – опешил Бёрк.

– Котят уже дарите, а Френсис нам сейчас всё стекло обкончает. Когда ждать свадебный кортеж и приглашение в храм?

– Ой, Макс, можно подумать, ты бы от такой отказался! – возмутился Френсис. – Ты погляди на те ноги!

Макс послушно поглядел. Почему нет? Ножки и впрямь хороши до безобразия. Деловито одернул китель и самую чуточку нервно застегнул пуговицы у горла.

– Запомни, Мюррей: я взрослый, воспитанный некромант. И любоваться ногами преступников предпочитаю в морге. Полезный навык, советую взять на вооружение.

Наконец к их дурдому присоединилась дежурная менталистка Лора Маккой, и злой полицейский Бэйли, для контраста прихватив «доброго» Бёрка, вошёл в допросную. Девчонка тут же выпрямилась на стуле и одарила обоих глуповатой белозубой улыбкой, попутно демонстрируя премилые ямочки на впалых щеках.

– Ребята, ну где вас Хладная носит? – воскликнула Билли таким тоном, что даже Макс невесть с чего ощутил мимолетное раскаянье. – У вас тут не очень-то весело… Найджел, дорогуша, я истосковалась в разлуке! Дёрнем по бокальчику или сразу на сеновал?

Френсис, принявший у капитана Бэйли обязанность кошачьей няньки, придушено заржал. Другие некросы вторили ему; Макс едва подавил желание прикрыть глаза ладонью.

– Шустрая какая, – лениво протянул Эндрю, плюхнувшись на стул напротив якобы пострадавшей. – Обожди, сладенькая. Сейчас выясним, куда ты пойдешь и с кем.

– Точно не с тобой, хмурая морда, – тут же сообщили ему. – Ну-ну, офицер, сделайте лицо попроще! Ссаться от страха и слезно каяться во всех грехах я не собираюсь.

– У него всегда такое лицо, – любезно пояснил Найджел. – Билли, просто расскажи, что произошло, и если наша менталистка, – кивок в сторону Лоры, сидящей возле двери и старательно сдерживающей смех, – не выявит… несовпадений, то ты можешь быть свободна…

– …под подписку о невыезде до выяснения обстоятельств дела путем допроса погибших, – произнесла Билли, чопорно сложив ручонки перед собой. – Я знаю правила игры, капитан Бёрк. Хорошо знаю. Мой отец был полицейским.

Макс задумчиво почесал подбородок, прищурился, разглядывая вовсю веселящуюся девицу за стеклом. Бледное лицо с острыми скулами, большие светлые глаза, каштановые волосы сильно отдают рыжиной… В общем, типичная такая синтарийка, в родне которой потоптались фейри с их дивной кровью. Заклинательница, физиономия смазливая, характер несносный, отец-полицейский…

Точнее, *был* полицейским.

– Мюррей, как зовут девчонку?

– Билли Фоули. Двадцать шесть лет, тёмная, в документах значится магистром. При этом знаков Гильдии на ней нет, что странно…

– Билли…

Макс мог припомнить только одно женское имя, которое сокращалось бы подобным идиотским образом.

– Вильгельмина?

Френсис снова засмеялся, прижав к груди тихо урчащего котенка.

– Да, точно. Вильгельмина! Ну это ж надо было обозвать! У нашего мудилы Себастьяна имечко ещё туда-сюда, оказывается… А что, ты её знаешь?

Макс не ответил. Ни к чему, да и смысла нет: Френсис ещё в академии учился, когда Джерард Фоули служил в синтарийском некроотделе. Чересчур добрый малый как для некроманта, но хороший полицейский, офицерских нашивок добившийся потом и кровью, невзирая на не слишком выдающиеся способности. До получения должности капитана отряда Джерри оставалась какая-то неделя, когда с Эрмегаром случилась Элрисса. Пока поехавшая сучка, восставшая из мертвых, веселилась в Иленгарде, туда согнали чуть ли не всех некромантов Империи, в том числе и синтарийский некроотдел. Тогда погибло много людей, и Джерард Фоули оказался в их числе. Его разорвал вендиго – жуткая тварь, кровожадная, сильная и злая, выскочившая на них у самого детского приюта. Макс должен был убить чудище, но силы к тому времени были почти на исходе, а зомби, лезущим из всех щелей, не было числа. Джерри разорвали на его глазах прежде, чем он успел сотворить заклинание. Если бы он был тогда чуть быстрее, устал чуть меньше…

– Её отец был героем, – наконец отозвался он.

– Девица явно не в него, – протянул Френсис, согнав ухмылку с лица.

– Зато проживет дольше.

Хитромордая шельма тем временем вовсю ездила по ушам капитанам.

– …говорю же вам, знать не знала этого Саймона! – уверяла она, прижав ладонь к пышной груди и картинно выпучив без того огромные глаза. – Найджел не даст соврать, мы с ним вместе… э-э… предавались культурному отдыху.

– Опаньки! Ну-ка, Бёрк, чему-чему вы там предавались? – с издевкой переспросил Бэйли, повернувшись к Найджелу. – И с чего тебя вообще в этот гадюшник занесло?

– Я там инфу поискать решил по делу… ну, ты сам знаешь, по какому, – отмахнулся тот. – Без толку: нынче только и разговоров, как кустарную заклинательницу Билли-шельму бросил парень…

Девчонка так и подскочила на месте.

– Гнусные наветы завистников! – гневно воскликнула она, бросив карандаш. – Это я, *я* его бросила!

Некроманты, столпившиеся вокруг, снова грохнули хохотом. Макс не удержался и спрятал лицо в ладонях. Нет, это представление пора кончать.

Но как, спрашивается, из застенчивой и невзрачной девчушки выросла такая до неприличия красивая оторва? Его бестолковый сынок с тех пор вымахал на две головы да чуть раздался, и на этом все перемены кончились. Интересно даже – это у всех по-разному, или же только отцам девочек положены такие ужасы, как напрочь незнакомое лицо и невесть откуда взявшаяся грудь третьего размера?

«Четвертого», – как мог деловито поправился Макс, окинув «ужасы» оценивающим взглядом. И ещё одним. Нет, он честно старался быть взрослым и воспитанным некромантом, но сильно разодранный – вот же трёханые ублюдки, правильно она их прирезала! – вырез светленькой рубашки то и дело распахивался чересчур широко. Ну как же тут удержаться и… не провести независимую экспертизу?

– Слушай, ты… Билли. Давай уже наконец разберемся, что там у вас с теми ребятами произошло, – и по домам.

Очевидно, Эндрю представление допекло не меньше, чем его шефа. И косоглазие он явно почти заработал – что вообще немудрено, когда роковой четвертый размер маячит перед самым носом, но в открытую глазеть неприлично. Найджел, вон, пялится в столешницу так старательно, будто от этого зависит его жизнь. И правильно делает.

– А чего там разбираться? – Билли изящно пожала хрупкими плечами, снова берясь за карандашик. – Саймону Мэл должен был. Этот брехливый кусок говна вечно кому-то должен: золото он любит, а работу нет… И все знают, что я платила по счетам Мэла… несколько раз. Вот этот тупица Саймон и решил, что деньжат проще стрясти с меня. Само собой, я его послала. Ну а он нагнал меня в подворотне со своими дружками, пока я кота разыскивала. Дали мне по башке кастетом, – она пропустила волосы сквозь пальцы, демонстрируя слипшиеся от крови пряди, – но увы и ах! Башка у меня очень крепкая.

– А почему ты не использовала магию?

– А замер резерва мне тут кто делал, богиня Пресветлая? Ребят, я на ноль уработалась. Пришлось по старинке. Или надо было истошно орать и звать на помощь доблестную полицию? Нет, весельчак, это не мой стиль.

– Вырубила бы их, а там и полиция бы подоспела, – предложил Эндрю. – Твой стиль мне что-то не по вкусу. Ты убиваешь всякого, кто тебя ударит?

Билли одарила капитана прохладной улыбкой.

– Я убиваю всякого, кто собирается меня ограбить, трахнуть и убить (притом я не уверена насчет последовательности). Сразу видно, что тебе, хмурая морда, ни разу не угрожали ни первым, ни вторым, ни третьим.

– Они именно угрожали? – въедливо уточнил Бэйли.

– Помимо того, что врезали по голове? Они обыскивали меня, они лапали меня, у них было оружие, – проговорила Билли, кротко потупившись. – Если этого недостаточно, они все свои планы на вечер проговорили вслух. Повезло, что я была в сознании, да? – она гаденько ухмыльнулась и склонила голову набок. – Ибо на доблестную полицию рассчитывать не приходится.

Капитаны оглянулись на менталистку; Макс последовал их примеру. Та молча кивнула, уже не веселясь и глядя на кривляку Фоули с откровенной жалостью. Кажется, той не было так весело, как она хотела показать. Сам же Макс глянул на девчонку с уважением – убийство насильников он за преступление не считал. (Будучи некромантом, к чужим смертям он вообще относился философски.) Скорее чем-то вроде помощи в очищении Империи от всякой скверны, благо Эрмегарские законотворцы его мнение полностью разделяют вот уже пару веков. С тех пор как люди осознали наконец, что ни глубокое декольте, ни короткая юбка, ни смазливая мордашка не являются поводом для домогательств, жить стало не в пример веселее. Кровожадные маньяки, расчленяющие трупы и развешивающие органы на бельевых веревках, и то честнее – они обычно делают это для собственного удовольствия, без присказки вроде «меня спровоцировали».

Другое дело, что до самого факта убийства доблестным следователям Бёрку и Бэйли уже и дела нет – первый вовсю пялится на свою Билли-шельму; второй тоже пялится, но менее явно – Эндрю парень сдержанный, как и положено образцовому некросу. Оба подобных дел перевидали немало и уже сейчас знают, чем всё это кончится. Фоули продержат максимум до утра, укоризненно погрозят пальцем и напомнят, что в Эрмегаре делают с душегубами. После чего отпустят на все четыре стороны вместе со всем барахлом, ну и вон, с котенком. А девочка, меж тем, знает много интересного, судя по её кругу общения. Кто бы ещё заметил.

Макс глянул на часы – время двигалось к десяти, в бардак мадам Селины уже наверняка начал стягиваться народ. А значит, самые лучшие девочки будут заняты еще как минимум по паре часов.

«Плакало мое свидание», – вздохнул он. И шагнул к двери допросной.

Глава 2

– Шеф? – послышался недоуменный голос Френсиса. Коммандеры редко участвуют в допросах напрямую – то обязанность сержантов и капитанов. Исключение делалось разве что для важных шишек или в случае чего-то совсем из ряда вон выходящего.

– Пойду поработаю, Мюррей, – сообщил Макс и выразительно оглядел всех присутствующих. – Чего и вам советую. Причём «советую» в данном случае стоит понимать не в прямом смысле.

Некроотделу в сообразительности не откажешь – мигом смекнули, что «совет» может запросто сказаться как на премии, так и на будущем времяпрепровождении. Хитрый приемчик в виде инвентаризации морга при любом удобном случае Макс подсмотрел у своего иленгардского коллеги Дальгора. И полезно, и бесит всех без исключения.

– Френсис, тебе отдельное приглашение нужно?

– А котенок? – он кивнул на пушистый комок в своих руках.

– Найджел присмотрит, ему ж зазнобу клеить, – Макс открыл дверь в комнату за стеклом. – Бёрк, Бэйли, на выход.

Капитаны недоуменно переглянулись, но послушно поднялись со своих мест и пошли на выход. На физиономии Эндрю можно прочесть явное облегчение – похоже, трепливая заклинательница уже достала его до печенок; Найджел же, напротив, был обескуражен и чуть ли не расстроен. Герой-любовничек. Отчего-то захотелось сказать ему что-нибудь эдакое, однако отвлек голос менталистки:

– Я тебе тут ещё нужна, Макс?

– Нет, спасибо, Лора, – невозмутимо откликнулся он. – Ступай, дальше я сам разберусь.

– Слыхали? – донесся из холла ехидный смешок поганца Френсиса. – Он сам разберется! Вот облом, да, Найдж?..

Не без раздражения Макс хлопнул дверью допросной, отсекая чересчур довольные голоса и идиотское хихиканье подчиненных.

– Макс Эгертон, – на ходу представился он, прежде чем сесть на стул напротив Фоули. Призвал пепельницу и достал сигариллу. – Позволишь?

– Эгертон как лорд Эгертон? – снова склонив голову набок, полюбопытствовала Билли. Вблизи её лицо всё-таки казалось смутно знакомым и очень усталым; непростительно юная, чтобы думать о ней всякие пошлости… и несусветно хорошенькая, ну как тут не думать-то? Под тонкой сахарно-белой кожей разливался нежный румянец; соблазнительно пухлые губы кривились в нахальной усмешке, но большие серые глаза в обрамлении густых тёмных ресниц смотрели холодно и подозрительно. Враждебно даже.

Да уж, и впрямь оторва выросла. Из тех, кто никому не даст спуску, но зато любому даст сдачи.

Судя по вопросу, она его не помнила, да и немудрено – с Джерардом они хоть и дружили, но редко ходили друг к другу в гости. Женат на работе – короткая, но ёмкая характеристика любого хорошего полицейского. А Макс был хорош, впрочем, как и Джерри.

– Эгертон как коммандер Эгертон, – отрезал Макс и закурил, сочтя отсутствие кивка за ответ.

– Целый коммандер? Ну, я типа трепещу. И с чего бы такая честь?..

Девчонка вытянула из кармана пиджака изящный серебряный портсигар. Заглянула внутрь, состроила скорбную мину. Затем шустро зыркнула на Макса из-за завесы густых рыже-

ватых волос и расплылась в коварной улыбке, снова демонстрируя эти свои проклятущие ямочки.

– А, так вы пришли угостить меня сигареткой! Ну, я готова, можете угощать.

– Быть может, виски или аэльбранских омаров? – невозмутимо поинтересовался Макс.

Наглых юнцов в его жизни было предостаточно. Начать хотя бы с собственного сына, унаследовавшего самомнение в двойном объеме – и от него, и от Эвы. Но сигариллу он протянул, неторопливо перед этим подкурив и выпустив легкое облачко дыма. Не предлагать же огоньку убийце? Даже если та якобы пострадавшая.

– Благодарю, ваше некромантство, – пропела девчонка томным голоском. И, поднеся сигариллу к пухлым губам, с явным наслаждением затянулась. Едва заметно поперхнулась, наморщила чуть присыпанный веснушками вздернутый нос – видно, не привыкла к крепкому табаку; выдохнула дым и облегченно прикрыла глаза, откинувшись на спинку стула. Лицо у неё сделалось такое, словно ей не закурить дали, а хорошенько оттрахали вот прямо здесь и вот прямо сейчас.

В допросной вдруг стало немного жарковато. Макс дернул пуговицы на вороте кителя, так опрометчиво застегнутые, и невольно покосился на непроницаемую зеркальную перегородку.

– Они ушли, – меланхолично поведала Билли, снова затянувшись. – Ну, большая часть. Оставшиеся ржут как ненормальные и тискают моего нового кота.

Макс снова оглянулся, на сей раз недоверчиво.

– Ты что, зараза, уже и сеть поломала?

– Не поломала, а *внедрилась*, – деловито ответствовали ему. – Это ж Лоуренс заклинал, да? Он моим ментором был, пока я с Гильдией вконец не разосралась. Всё пытался заставить меня колдовать на его манер… – на один краткий миг нежное курносое личико сделалось пугающе стервозным. – Бездна, этот мудила Лори прям как та старая собака, которую новым трюкам не научишь!

Определенно, ситуация становилась всё занятнее. И столь же определенно следует расспросить бывшую женушку, что это за шельма такая отбилась от дружной семейки синтарийских заклинателей.

Когда Билли докурила, Макс незаметно выдохнул. Зрелище в виде пухлых губ, обхватывающих сигариллу, было на грани; даже утонченная красотка Эва делала это не настолько эротично. Девчонка умела подавать себя – и при таких данных спуталась с местной швалью. Благо хоть одумалась вовремя.

Кто бы только знал, какое ему вообще дело до её личной жизни.

– Итак, Вильгельмина, – протянул он, с подспудным злорадством отмечая, как недовольно она скрипнула зубами, – что интересного расскажешь про своих… жертв? Кто такие, с кем водились? И этот… Мэл. Давай-ка поподробнее.

Билли от такого требования в восторг не пришла.

– О, мой чёрный властелин! Я что-то никак не возьму в толк своим скудненьким умишком, – начала она, шелестя страницами записной книжки, – какое отношение это имеет к делу?

– Для тебя – никакого. Но вот в чём дело – по закону мы можем задержать тебя до полного выяснения обстоятельств. Мои ребята заняты, дело твое не первостепенной важности, и кто знает, когда доберутся до твоих мертвых дружков? А это значит, ближайшие два-три дня никакого курева и сон на соломенной подстилке по соседству с выпивохами, попрошайками и городскими сумасшедшими. Вместо теплой постельки, в которой ты, как я думаю, очень хочешь оказаться.

– Уже представляете меня в постельке? А может, даже и в своей? Ах, как это лестно, – ухмыльнулась Билли, зыркнув искоса и снова склоняясь над своей книжицей. Полы рубашки распахнулись, обнажая аппетитную грудь в инфантильных ярко-розовых кружавчиках. (Боги,

это вообще законно? Быть не может, чтобы да!) – Придержите коней, господин коммандер. Меня быстренько начнут искать – шибко дорого стою… Но так и быть, давайте поболтаем, – его удостоили очередного многозначительного взгляда, – вы же такой обаяшка, где уж мне устоять-то?

И не поймешь, то ли мелкая негодяйка и впрямь взялась с ним флиртовать, то ли просто издевается.

Одно точно ясно: Билли-шельма – та ещё грёбаная полевая ромашечка. Вертя в руках огрызок карандаша и изредка кидая на Макса томные взгляды, она поведала и о неудачливых грабителях, и о проходимце с кретинским имечком Мельхиор.

«Как вообще можно на полном серьезе трахаться с парнем, у которого имя как у десертной ложечки?» – изумился Макс с невесть откуда взявшейся неприязнью.

По словам Билли, погибший Саймон Маккой и его дружки ходили в шестерках у Найриши, Принца Теней. Синтар, конечно, не Аэльбран, однако и тут имелись свои преступные боссы, с которыми непросто дружить, но враждовать ещё хлопотнее. Принц Теней, в отличие от Принцессы Ассасинов, славился чистоплюйством, и бизнес у него по обе стороны закона был довольно мирный: бордели, игорные дома… артефактные лавки, алхимические лаборатории. Но никакой преступный бизнес не удержать без грубой силы: как водится, работали на Найри сплошь отморозки.

«Этот Мэл» и вовсе не представлял из себя ничего интересного: мелкий жулик без особых талантов, но с огромными амбициями. Такие вечно в долгах как в шелках. Оставалось только подивиться, как на это сокровище вообще мог польститься хоть кто-нибудь.

Однако Билли польстилась и отхватила на свою симпатичную голову проблем в виде чужих долгов, чужих же не самых приятных знакомств и тройного убийства в личное дело. С пометкой «самозащита», но всё же.

Проверив записи на кристаллах, Макс поднялся.

– Что ж, Вильгельмина, на сегодня информации достаточно. Можешь быть свободна, явишься в участок через два дня, в пять часов пополудни. Настоятельно рекомендую Синтар не покидать.

– Что, прямо так и отпустишь? – насмешливо прищурилась Билли и тоже поднялась, позволяя с нового ракурса оценить шикарные ноги, стройную фигурку и прочие непотребства. Тоненькая, но высокая, она была ничуть не ниже его ростом… но это, конечно, благодаря туфлям на каблуках.

И вот уж явно не стоило так ярко и живенько представлять, как больно эти каблуки впиваются ему в поясницу и как крепко обхватывают его эти треклятые ноги…

Нет, ну а что он мог с собой поделать? Хороша же, зараза.

И ранена, о чём подумать Макс должен был в первую очередь. Он задумался ровно на мгновение, прежде чем выдать:

– Не прямо так. Тебя есть кому забрать?

Она замялась.

– Ну как тебе сказать…

– Ясно. Собирайся, провожу тебя.

Билли явно опешила от такого поворота. (Да Макс и сам опешил, чего уж там.)

– Н-не надо меня провожать! – возмутилась она, шустро упрятав в карман книжку и принимаясь нервно поправлять волосы. – Это дофига любезно и всё такое, но я вообще-то большая девочка, до дома сама доползти могу.

Насчет «доползти» вообще-то верно – девчонка бледна как простыня, тени под глазами уже можно принять за модный когда-то некромантский макияж, да и ведёт её заметно. Вот и оправдание: Макс просто не хочет, чтобы дочка Фоули загнулась в какой-нибудь подворотне.

– Это был не вопрос, Вильгельмина. Прослежу, чтобы ты ещё кого-нибудь не убила по дороге.

Вышло вполне убедительно, как на взгляд Макса. Хотя Билли всё равно покосилась на него недоверчиво, явно в чём-то подозревая.

– Если хотел узнать мой адресок, то так бы и сказал, – наконец фыркнула она и потянула на себя дверь допросной. – О-о, Найджел, детка, ты меня ждешь?..

Макс, глядя на всё это (восхищенного Бёрка и перепуганного котенка) только и смог, что закатить глаза. Потому как Найджел действительно ждал, чуть ли с объятиями не накинулся… На пару с Мюреем. Ну конечно, этого никакими угрозами не выгнать оттуда, где ему интересно – будь то хоть допросная со смазливой девицей, хоть морг с «любопытно вскрытым трупом».

– Мюррей! – рявкнул он, отчего Френсис аж подскочил. – Почему я вижу тебя здесь до сих пор? Не знаешь, чем заняться? Так сразу бы сказал, я найду. Полы, вон, в отделе не мыты…

– Ну какие полы, шеф? – Френсис предсказуемо сверкнул своей улыбочкой во все тридцать два. – Тут такая шельма, а ты меня в уборщицы записать хочешь?

И плевать же придурку, что «шельма» стоит прямо тут, наглаживает котенка и тоже хоть и лыбится, но от такого комплимента явно опешила. Вон как замерла и даже отошла подальше от Мюррея, любо-дорого посмотреть.

Интересно, кто из них задолбал бы другого раньше? Учитывая, что у обоих рот не закрывается.

– На сегодня это моя шельма, – отрезал Макс. – Верните задержанной всё её барахло и возьмите расписку. Вильгельмина, через десять минут жду внизу.

Из допросной он вышел вполне довольный собой. Мюррею так и не удалось вставить последнее слово, да и не пришлось объяснять своим подчиненным, на кой ему вообще стрельнуло провожать задержанную. С чего бы ему вообще это делать – кому-то что-то объяснять? В конце концов, восьмой десяток уже не за горами, можно позволить себе чуточку эксцентричности. Дальгор с Ларссоном вон брачным агентством себя возомнили, а он всего-то симпатичную девочку проводить собрался… Забота о дочке друга, не более того.

Макс закурил, привалившись к фонарю неподалеку от дверей, выдохнул дым в тёмное уже небо. В это время года всегда рано темнеет, самое оно для некроманта. Хотя погоду такую – туман, влажность и лужи под ногами – Макс не любил. Они не навевали тоску, вовсе нет, тем более что он родился и вырос здесь. Просто было неуютно. И нога ныла, да.

– Ну на-адо же, – послышался рядом тягучий голосок, – меня и правда собрался провожать сам коммандер? Какая честь.

– Цени мою доброту, – парировал Макс и протянул ей сигариллу. – Будешь?

– Что за глупые вопросы? – фыркнула Билли, шустро выхватывая сигариллу и прикуривая от тусклого огонька на кончиках пальцев. – То есть благодарю, сударь, вы так галантны! Я прям уже почти вся ваша! Возьмите мою руку, сердце и прочие потроха. Некросам же нравятся потроха? О, ещё бы!..

– Для этого мне придется тебя убить, – Макс пожал плечами, снова задирая голову вверх (нет, не потому что не хотел смотреть на пухлые губы вокруг сигариллы – как раз таки хотел, даже чересчур). – Что довольно неразумно, ведь у тебя и помимо потрохов много всего интересного. Я оценил.

И Бездна знает, с чего ему вообще взбрело в голову отвешивать сомнительные комплименты малолетке (и всё ещё дочке Джерарда). Но ведь впрямь хороша, так почему нет?

Напрасно было ожидать, что эта наглая зараза смутится хоть немного.

– Ну естественно, оценил! Ты же не слепой, право слово… – она было приосанилась с картинным самодовольством, но тут же глянула куда-то вперед и возмущенно поперхнулась. – Что, опять? Вот дерьмо!

И, упрятав котенка за пазуху (а везунчик он, этот котёнок), чуть не бегом направилась к потухшему фонарю. Поводила руками по воздуху, нежно облапала кованый столб; и только когда фонарь снова вспыхнул с сухим треском, вернулась обратно.

– Каждую неделю его чиню, заколебалась уже, – негодующе поведала Билли, поглаживая кота – точнее, вяло шевелящийся под рубашкой бугорок. – Осветительную цепь давно менять пора: она, поди, старше меня лет на пяток.

Макс на это только вздохнул.

– Тебе бы кто голову починил… Кстати, – он схватил Билли за рукав, – наклонись-ка.

Как и ожидалось, эта нехитрая просьба вызвала нездоровое оживление.

– Вот прям так сразу? Ох, коммандер, полегче! Я девушка честная… давайте хоть до дому дойдём!

– Да брось, глянь какие в Синтаре переулки замечательные, – Макс кивнул на один такой прогал между домами, усмехнувшись – эти вчерашние подростки такие предсказуемые. Все мысли сплошь о сексе, независимо от состояния и ситуации. – Наклонись, подлечу. А то на тебя смотреть больно, не то что в тёмный угол тащить.

На этот раз Билли всё же наклонилась, подставляя лохматую голову под пальцы Макса. В лечебном деле тот был не силен, но кое-что всё же умел. Некромантам, с их привычкой резать себе вены едва ли не при каждом акте колдовства, это жизненно необходимо.

Рана от удара кастетом выглядела не так уж паршиво, как думал Макс. Уже начала затягиваться, яро свидетельствуя о том, что девчонка сильна, а в родне и впрямь потоптались демоны или фейри. Или оборотни, но об этом хотелось думать меньше всего – шерстяных тварей Макс не любил во всём их многообразии. Он повёл пальцами, добавил немного силы и сплел легкое заклинание, от которого на затылке Билли остался шрам. К утру заживет и он, не оставив следа.

Удобно быть магом, как ни крути.

– Сойдет, – решил он, отходя от Билли на худо-бедно приличное расстояние. А то к утру пол-улицы будет говорить о том, как почтенный коммандер некроотдела лапал девицу под фонарем. Хотя эти и так будут – по весне в Синтаре мало интересного.

Уже у самого портала Макс поинтересовался, куда именно им надо, и первым шагнул в светящуюся арку. С трудом подавил в себе желание обнять Билли, чтобы не вывалилась ненароком не там, где надо – порталы стабильны и считаются безопаснее любых повозок, но на организм всё же влияют. Шутка ли – в считаные секунды перенестись на несколько миль. А она явно нездорова и устала.

Макс отмахнулся от собственных назойливых мыслей, но, оказавшись по ту сторону, развернулся на месте. Не зря, как выяснилось – Билли не промахнулась, но заметно пошатнулась и споткнулась о булыжник. Макс выставил руки прежде, чем успел даже понять, что делает, обхватил узкую талию и на мгновение прижал её к себе. Уха коснулось горячее дыхание, вызвав едва заметную дрожь, побежавшую по позвоночнику. Билли оказалась удивительно легонькой, как для своего роста, и столь же удивительно ладной.

– Эй, ты как? – поинтересовался Макс, невесть зачем продолжая удерживать её, хотя хватку и ослабил.

– Экий вы нетерпеливый, господин коммандер, – с тихим и явно двусмысленным смешком пробормотала Билли. И медленно отстранилась, будто бы невзначай мазнув возле уха горячими губами – судорожный вздох удалось сдержать с трудом. – Нет, давай всё-таки дойдем до дому. Уже ведь почти пришли! – как ни в чём не бывало позвала эта негодяйка, роясь в карманах и извлекая оттуда хорошую горсть миндаля. – Хочешь орешек? Нет? Ну и правильно, мне больше достанется.

– Я не сторонник быстрых перекусов, – задержав взгляд на длинных пальцах у пухлого рта, отозвался Макс.

Задумчиво вышло. И слово тоже не то.

Он огляделся – район был ему знаком. На одной из соседних улиц он жил. Давно, когда они с Эвой закончили Академию: ей некуда было возвращаться, а ему страсть как не хотелось жить в отчем доме. Да и как будто там его ждали. Времена были другими, и некрос в семье светлых боевиков считался позором. Нет, папенька бы не ославил себя на весь Синтар, выгнав из дому родного сына (старшего, между прочим), но плешь бы проел за пару дней. Максу хватало каникул, во время которых он больше всего мечтал вернуться обратно в Академию и вскрывать трупы. Зарплаты рядового и начинающей заклинательницы едва хватало на скромную квартирку, но им нравилось. В двадцать пять мир вообще кажется другим.

Пока они шли вниз по улице, Билли непрерывно болтала. Даже еда не могла заткнуть её надолго: безудержный треп только останавливался на несколько секунд, пока она разгрызала очередной орешек.

Нет, всё-таки надо было оставить её с Мюрреем.

«Боги, Макс Эгертон, ну вот кому ты врёшь?..»

– О, ну вот мы и пришли, – выдала Билли, когда они очутились возле двухэтажного дома, явно построенного ещё во времена императора Николаоса. Старый, но шикарно-вычурный – самое то для всяких непризнанных художников, второсортных актеров и прочей голожопой богемы. – Поднимемся ко мне, ваше некромантство? Чай? Виски? Что-нибудь ещё?

И с такой похабной улыбочкой это «что-нибудь ещё» было предложено, что взрослый и степенный архимаг в лице Макса Эгертона чуть было не ляпнул: «Тебя. Лучше лёжа, но можно и так». Пришлось спешно напомнить самому себе, что нахальная соплячка – дочь друга, притом на три года младше его собственного сына. Одно это должно было сработать не хуже, чем ведерко ледяной воды на голову. (Однако поди ж ты, не очень и работало…)

– Что-нибудь ещё в данной ситуации – это отмывание тебя и котенка, Вильгельмина; и ваш же совместный сон под теплым одеялом, – хмыкнул Макс наконец. – А я с укладыванием детишек в постельку закончил уже лет двадцать как.

– Ну и мудак же ты, господин коммандер, – Билли покачала головой, глядя с эдакой ласковой укоризной. А затем вдруг склонилась к нему и шустро чмокнула в самый уголок губ. – Не скучай без меня, мой пирожочек! – она отошла и уже у самого входа в парадную обернулась. – А хотя нет, скучай как следует!

Вконец обнаглевшая девица, гаденько хихикая, скрылась за дверью парадной. Коммандер Эгертон, которого впервые в жизни назвали «пирожочком», оторопело уставился ей вслед.

Интересный вечерок, мать его так. Нет, наведаться в бардак мадам Селины всё же стоит.

Ну просто *потому что*.

***

Бордель со стандартным для подобных мест названием «Дикая роза» встретил привычным уже тяжелым ароматом духов, запахом сигар, дорогих и не очень, и томной улыбкой самой Селины.

– Я и не чаяла увидеть тебя сегодня, милый, – она подошла к нему, едва завидев. Тонкая, томная, вскружившая голову не одному мужчине. Обманчиво юная (спасибо крови фейри). И холодная, как зимний снег.

– Работа задержала, – Макс наклонился, мимолетно касаясь губами её руки, нежной и ухоженной. Селина на это рассмеялась, будто звон колокольчиков раздался. – Кто ещё свободен, дорогая?

– Энола весь вечер тосковала по тебе. Позвать её или сегодня предпочтешь что-нибудь более… экзотичное?

– Что может быть экзотичнее нашей демонической красавицы? – притворно удивился Макс.

– И то верно, милый, – она махнула рукой, подзывая высокую смуглую девушку, чья кожа отливала бронзой в приглушенном свете магических светильников.

Энола, то ли на четверть, то ли на восьмушку демон, была магичкой-менталисткой и могла сделать неплохую карьеру хоть в той же полиции. Но выбрала бордель – по её же словам, секс и деньги она любила чуть больше магии и скучной работы.

Макс не осуждал, не видя в работе шлюхи ничего зазорного. Да и попробуй осудить демоницу – вмиг насадит на рога и не посмотрит, что перед ней грозный коммандер синтарийского некроотдела.

Изящные пальцы Энолы легли на плечо, тут же скользнув за воротник рубашки. Макс устроил руку на тонкой талии.

– Хочешь уединиться сразу или посидим тут? – послышался низкий голос у самого уха.

– Посидим. Тебе как обычно?

Энола кивнула. Макс жестом позвал девушку за барной стойкой, взял виски для себя и «огненную воду» для демоницы – жуткую смесь виноградного спирта, мёда и перца. Человек в здравом уме подобную смесь прямиком из Инферно пить бы не стал, а вот Эноле нравится. Ну, оно и понятно. Горячей женщине – горячее пойло.

– Так, значит, ты скучала по мне? – Макс развернулся к ней и облокотился на барную стойку. – А если бы я не пришёл?

– Напивалась бы в одиночестве. У меня достаточно денег, чтобы позволить себе выходной. На крайний случай, совратила бы вон того мальчика, – она кивнула в сторону, и Макс, чуть повернув голову, увидел светловолосого парнишку – кажется, не совсем понимающего, что он здесь забыл. Что ж, все когда-то были здесь впервые. – Люблю таких невинных деточек. Они забавные…

О да, одна такая забавная деточка сегодня поставила на уши весь некроотдел, попутно охмурив его неженатую-незамужнюю половину, навешала лапши на уши бедняге Найджелу и была такова. С котенком за пазухой, мать её так и эдак. Невинности в ней, правда, не было ни на гран. Что уж там, даже Макс повелся на бесконечные ноги, ладный стан и пухлые губы, которые хотелось видеть обхватывающими вовсе не сигариллу. Останавливал только старый принцип – не связываться с детишками моложе его сына. И тем более с детишками друзей, пусть даже те друзья и развлекаются в чертогах Хладной вот уже десять лет как.

Но Макс связался, пусть и с благородной целью проводить пострадавшую Билли до дома. (Хотя какое там благородство, если всю дорогу только и оставалось, что поглядывать в сторону особо тёмных переулков?). Мелкая Фоули оказалась чуть более хороша, чем стоило бы, чересчур болтлива и не в меру обаятельна. А её теплые губы у самого уха и вовсе лишали способности здраво мыслить – и это его, взрослого мужика, коммандера некроотдела! Недопоцелуй у крыльца и вовсе был форменным непотребством, по одному лишь недоразумению считающийся флиртом у нормальных людей.

Да что уж там: эта девчонка и есть одно сплошное форменное непотребство.

Макс ощутил острое желание закурить – едкий дым неплохо прогоняет всякие развратные видения с участием блудных девиц, наручников и стола в допросной. Он полез в карман за портсигаром (не серебряным, но подаренным коллегами на какую-то годовщину службы) и наткнулся на россыпь бумажек, которых там быть не могло точно.

Бумажки оказались презанятными художествами непотребной негодяйки Билли. Макс невольно ухмыльнулся: да у неё прямо талант! Наспех прорисованные некромантские физиономии вышли на удивление живыми и сходу узнаваемыми – хотя для всех сомневающихся имелись надписи каллиграфическим почерком. Весело скалящегося длинноволосого Френсиса окрестили как «Шило в жопе», томно-капризного дивнюка Бэйли – «Хмурая Морда», симпатичного добряка Найджела – «Щенок»… на последнем листочке Макс признал собственную желчную физиономию. Надписи «Папик» и «Вредный мудак» были нещадно перечеркнуты, а сразу под ними красовалось «Максимиллиан».

– Вот сучка, – выдохнул Макс, против воли улыбаясь и качая головой.

Значит, всё-таки вспомнила.

Тащить в койку девочку из борделя вмиг расхотелось. (Нет, вовсе не из-за навязчивых видений с одной симпатичной шельмой.) Куда больше хотелось выпить и пойти уже домой, отсыпаться после рабочей недели. И плевать, что подобные желания свойственны совсем уж старым пердунам. Тем более и с демоницей что-то не так – она весела, как и положено хорошим шлюхам, но пальцы, обхватившие бокал с выпивкой, чуть заметно дрожали, а в сиреневых глазах плескалось беспокойство. Она пыталась это скрыть, но Макс достаточно долго служил в полиции, чтобы научиться примечать мелочи.

– Тебя что-то тревожит, – проговорил он, скорее утверждая, чем спрашивая. – Энола? Проблемы с клиентом?

Она покачала головой и фыркнула:

– С клиентами всегда проблемы. Нет, – она замолчала, явно о чём-то задумавшись. Покусала пухлую губку и подняла голову. – Моя… приятельница, Дора, не вышла сегодня на работу. Скорее всего, ничего особенного, но я… беспокоюсь.

– Не припоминаю её.

– Она оборотень, а ты не по их части.

Не по их, это уж точно. Неудивительно, что Макс не знает её – с оборотнями у него отношения никогда не складывались. Причин не любить всех, кто в полнолуние обрастает шерстью, перьями и прочими приблудами, у него предостаточно.

Одна из них – неровный шрам, опоясывающий правую ногу выше колена, за давностью лет посветлевший и почти исчезнувший, но впечатавшийся в память таким, каким был в первые дни. Уродливым, неровным, багровым и распухшим. Макс и сам не знал, почему не свёл его много лет назад. Скорее всего, оставил как напоминание – вот что бывает, когда становишься чересчур самоуверенным и начинаешь считать себя неуязвимым.

Вторая причина – сама нога, ноющая на погоду, а порой и немеющая; и кошмары, от которых он просыпался в холодном поту, судорожно выискивая лужи собственной крови на полу комнаты.

– Ты пыталась с ней связаться?

– Кристалл молчит. Такое бывало в полнолуние, но до него ещё полмесяца… – она замялась, прежде чем добавить: – Макс, если не сложно, ты не мог бы попросить своих ребят сходить к ней домой?

– Конечно, – кивнул Макс. Оборотень или нет, она молодая девушка, подданная Империи, которую ему следовало защищать.

Он потянулся к брошенному на высокий стул кителю, отыскал амулет связи и сжал его в ладони.

– Анжелина, кто из твоих сегодня дежурит?

Коммандер боевиков откликнулась быстро – она ночная пташка, как и всякая тёмная магичка.

«Отряд Макинтайр. Что-то случилось?»

– Нужно проверить один адрес, – он повторил адрес, продиктованный Энолой.

«Сделаем».

Демоница на это выдохнула, как показалось Максу, облегченно. На её красивом лице снова расцвела легкая улыбка, хоть и сохранившая легкую нервозность. Они пропустили ещё по стаканчику, болтая ни о чём – благо общих знакомых было достаточно, – прежде чем амулет связи завибрировал.

«Проверили дом, – голос капитана Дейдры Макинтайр на этом месте словно сорвался. – *Вам лучше быть здесь».*

– Что с Дорой? – тут же поинтересовалась Энола, почуяв изменение в его настроении.

– Не знаю. – «Но жопой чувствую, что дело дрянь». – Мне нужно идти. Сообщу, когда всё выясню.

Она неуверенно кивнула и сжала его руку в своей, прежде чем дать ему уйти.

О весёлой ночке больше не думалось.

Портал, ведущий в район Предгорья, выбросил Макса аккурат на седьмой линии – улице, где располагался дом бордельной девчонки. Неплохой райончик, не из самых дорогих, но и не трущобы вроде Серых Топей. В таких местах обычно ничего не случалось, разве что хулиганы-подростки побьют стекла у особо вредной старухи, ну или в кабаке подерутся перепившие клиенты. Сейчас же произошло нечто из ряда вон – это ощущалось в воздухе. Макс чувствовал ауру смерти. Подружка Энолы мертва – в этом он почти не сомневался.

Боевики, вопреки обыкновению, не толпились у крыльца, а разбрелись по небольшому участку и старательно не смотрели в сторону тёмно-зеленой двери. Тут же обнаружились и Бэйли с рядовым Фоксом – мертвенно-бледным, лихорадочно сжимающим пальцы в кулак. Остальные, судя по всему, уже были в доме.

Значит, он не ошибся.

– Что у вас? – на ходу поинтересовался Макс, натягивая тонкие кожаные перчатки.

– Зверобой.

Тот случай, когда одним словом можно дать исчерпывающее объяснение.

Маньяк, в имперской прессе известный под претенциозной кличкой «Зверобой», убивал оборотней вот уже второй год. Аппетиты он имел довольно скромные – одна-две жертвы за квартал, – и связать убийства в серию удалось лишь благодаря специфическому почерку убийцы.

Зверобой свежевал трупы. Обескровливал их, снимал кожу, вспарывал брюхо и извлекал внутренние органы, а затем расчленял труп. Всё проделывал неспешно, чисто, с хирургической точностью. Тела обычно свежевались в ванных комнатах; то, что оставалось, Зверобой заливал холодной водой.

Кем бы ни был этот охотничек на двуногую живность, он отлично владел охотничьим ножом. И неплохо знал, как испортить тело для всякого некроманта. И ни разу не оставил хоть сколько-нибудь важных улик.

Словом, дельце со всех сторон дерьмовое.

Поначалу Зверобой тщательно выбирал своих жертв – всяческих отбросов, вроде гильдейской швали и мордоворотов на службе у местных воротил. Тех, кого совсем не жаль. И это была одна из причин, по которым ни журналисты из местных газетенок, ни правящая верхушка особо не наседали на полицейских. Картинно ужасались запредельной жестокости, заверяли общественность, что обязательно отыщут кровожадного маньяка – и успокаивались через две недели, когда новость переставала быть жареной.

Макс, честно признать, на работу следаков тогда смотрел сквозь пальцы. Жалеть оборотней ему не за что, а Зверобой в данном случае даже был кем-то вроде… санитара. Завалить оборотня – не самая простая задачка. Видимо, это понял и сам Зверобой: спустя год после начала своей священной войны против шерстяных тварей он решил перейти на кого попроще.

Дора Хеймс в списке его жертв стала уже третьей девушкой. Молодой, симпатичной, почти наверняка не имеющей ничего общего с преступным миром Синтара. Бордель не в счёт – тамошние девочки редко имеют хоть какое-то отношение к делишкам владельцев. Будь Дора хоть трижды оборотнем, подобной смерти она не заслужила.

Всё очень, очень плохо.

– Нас сожрут, – озвучил его мысли мрачный Бэйли.

– Ага, – отозвался Макс и шагнул к двери.

В квартире Доры пахло кровью. Он поднялся по узкой лестнице наверх, откуда доносились приглушенные голоса Френсиса и его напарницы Аманды Стенли.

Труп девчонки, как и ожидалось, обнаружился в ванной, привычно уже разделанный, лишенный кожи и пальцев на руках и ногах. С головы сняли скальп, глазницы сияли пустотой – именно через них маньяк извлекал мозг, отчего-то не желая вскрывать череп. Зверски убитая, изуродованная до неузнаваемости, Дора Хеймс ничем не напоминала молодую симпатичную девушку, которой была при жизни. Как если бы Зверобою было важно обезличить свою жертву, лишить её человеческого облика, превратить в неопознаваемый кусок мяса…

Неудивительно, что боевики и молодой Фокс, не прослуживший в отделе и пары месяцев, имеют нежно-зеленый цвет лица. Макса и самого знатно передернуло от зрелища, а он, на минуточку, за годы службы перевидал всякого.

– Время смерти? – поинтересовался он, уже по привычке отбрасывая личное отношение к происходящему. Сопереживать всем – не хватит нервов и здоровья.

– Прошлым утром, предположительно четыре часа, – сообщил Френсис, деловито записывая что-то блокноте. Макс не понимал зачем, когда есть кристаллы, да и рапорты заполнялись подробно. Но молчал – Мюррей хоть и заноза в заднице, но как детектив получше многих будет.

– Предположительно?

– Почти точно, шеф. Плюс-минус десять минут, которые ушли на то, чтобы уничтожить все улики.

Ничего нового – Зверобой что в начале своей деятельности, что сейчас, следов не оставлял. Никаких, что изрядно… беспокоило. Чтобы скрыться от некроотдела, нужно обладать недюжинной смекалкой, умом, и приличным багажом знаний о некромантских приблудах. Понятно, что все поисковые, сканирующие и прочие заклинания у сотрудников полиции стандартные; соответствующие книги можно отыскать если не в свободном доступе, то на черном рынке. Другое дело, что каждый некромант имеет свой почерк и свой подход, предусмотреть все попросту невозможно… Однако ж у Зверобоя получалось раз за разом. Что навевает совсем безрадостные мысли.

Макс задумчиво пожевал губу, но озвучивать предположение не стал – нечего трепать языком направо и налево, особенно когда подтверждений появившейся теории как не было, так и нет. Он просканировал место преступления; предсказуемо не выявил ни одного, даже самого крохотного магического следа. Если Зверобой и маг, то здесь он своей силой не пользовался. Или просто настолько хорош, что даже думать противно.

Приблизившись к телу Доры, Макс снова уставился в черноту пустых глазниц. Без мозга не разговаривают даже зомби. А спириты, способные призвать бестелесный дух, – огромная редкость. Да что там, Макс знал только одного некроса, который смог бы воззвать к духу, не угробив при этом два десятка человек в качестве кровавой дани Хладной госпоже. Карим Стальфоде, странноватый паренёк и любимчик всего Темного круга. Оберегали его соответствующе, выпуская из Иленгарда только по необходимости.

Что ж, как на взгляд Макса, такая необходимость возникла ещё пару трупов назад. Осталось только донести это до грёбаных бюрократов из Иленгардского управления.

– Все слепки мне на стол завтра утром, – приказал он.

О выходных придется забыть. Спасибо кровожадному ублюдку, которому взбрендило резвиться в его городе.

– Был бы от них толк, – проворчал Френсис. Тот терпеть не мог все эти слепки, протоколы вскрытия и прочую однообразную нудятину. Ему, видишь ли, только интересное подавай.

– Это уж не тебе решать. Работайте.

Стащив окровавленные перчатки и испепелив их одним щелчком пальцев, он вышел из квартиры бедняжки Доры.

И тут же столкнулся с Энолой, которую тщетно пытались сдержать Бэйли и Фокс – но предсказуемо не могли сладить с разъярённой демоницей. Ну хоть не в боевой форме, иначе быть обоим некросам насаженными на рога.

– Пустите меня! – кричала она и Макс, к своему удивлению, заметил на её лице следы слез. Демоны умеют злиться и бесноваться, но вот плакать – определенно нет. – Макс, я должна!..

Пришлось тоже вцепляться в неё, обнимая изо всех сил и прижимая к себе.

– Не должна, Энола. Не нужно тебе на это смотреть, слышишь?

– Как она?.. Кто?..

Она чувствовала. Не могла не ощущать запаха крови, смерти; не могла не слышать отголосков эмоций всех присутствующих. Она знала, но верить отказывалась.

– Кто?! – прорычала она, отпихивая его так, что с трудом удалось удержаться на ногах. Красивое смуглое лицо опасно исказилось, понемногу теряя людской облик. Глаза засияли двумя злыми пурпурными искрами, на гладком лбу треснула кожа, обнажая острый кончик рога.

– Зверобой. Дору убил Зверобой.

Энола шумно выдохнула, замедляя трансформацию. По мозгам шарахнуло её магией, агрессивной, злой, наполненной эмоциями; парочка боевиков и бедолага Фокс немедля схватились за головы.

Дора Хеймс была не просто подружкой и коллегой по работе. Чем-то большим и важным.

– Тихо, тихо, – Макс осторожно коснулся её волос, шелковистой волной они прошли сквозь пальцы. – Я найду его, обещаю. Найду.

«… хоть и понятия не имею, как это сделать».

Глава 3

На улице в кои-то веки распогодилось, и заходящее солнце вовсю красило горизонт оранжевым и багровым. Билли морщилась и недовольно щурилась от яркого света, то и дело сползая чуть ближе к изножью кровати – вставать и зашторивать окно было лень, да и грело солнышко приятно. Не то чтобы она так уж часто мёрзла: как и всякая не особо чистокровная имперка, она несколько отличалась от обычных людей. Например, имела нормальную температуру тридцать семь с половиной градусов. И питала слабость к мясу с кровью. И не поймёшь, кто в родне потоптался. То ли демоны, то ли фейри, то ли все разом… Ну или оборотни, что более вероятно. Мехом в полнолуние она никогда не покрывалась, однако совсем не могла спать и выпадала из нормальной жизни на добрых пару дней…

Впрочем, до полнолуния ещё две недели, а выпасть она уже выпала. (Ну, честнее сказать, знатно офигела, да так и не выфигела обратно.) Спасибо Саймону и его дружкам.

Видят боги и богини, эта компашка вполне заслуженно отправилась на встречу с Хладной госпожой. Но ей всё равно было тошно от самой себя и от того, что она сделала. Или даже от того, *как* она это сделала. Равнодушно и даже с удовольствием слушала чужие вопли и стенания; смотрела, как чужая кровь льется под ноги, чуть парит на холоде, жгучими багровыми цветами распускается на её светлой одежде…

Билли неуютно повозилась на смятой простыне, закутываясь в одеяло по самую макушку. Она уже привыкла к куче работы, которой её заваливала Ханнэ-фэ, да и в принципе у неё не тот склад характера, чтобы полдня валяться в постели… однако, как она ни храбрилась, произошедшее выбило её из колеи. Для тёмного мага, по природе агрессивного и жестокого на расправу, обладать обостренным чувством сопереживания – просто беда. Вот и прирезанную ею же шпану было жаль. Иррационально, глупо и так по-человечески…

Её новообретенный тощий котейка запрыгнул на краешек кровати и, выдав тревожное «ур-р-р», принялся разыскивать Билли в недрах одеяла. Наконец-то добравшись до её ухмыляющейся физиономии, обнюхал, удовлетворенно ткнулся мокрым носом пару раз и свернулся

на соседней подушке в крохотный мурлычущий клубок. Пришлось высунуть из-под одеяла одну руку, чтобы погладить котенка. Тот явно нуждался в хорошей откормке, но всё равно был такой ласковый, миленький и забавный, что хотелось тискать и гладить ежесекундно. И не только ей – вот Ханнэ, не слишком любящая животных, вчера готова была умиляться каждому чиху пока ещё безымянного найдёныша. Ну, после того, как угомонилась: рассказ о внезапной поножовщине с Саймоном Маккоем привёл её в такую ярость, что и вспоминать боязно. Как ни крути, а меркантильная сестричка Найри-ши всё же успела полюбить свою заклинательницу. Притом даже не только за прибыль, которую она приносит. Да и Найри, по её словам, здорово взбесился и пообещал самолично выпустить кишки всякому, кто вздумает дышать на его золотую девочку. И уж тем более бить её по шибко умной голове!

Это обнадежило, но не слишком. Девочка потому и стала золотой, что голова шибко умная. Прихвостни Найри, может, угомонятся; да только ублюдок Мэл много кому должен, и не только в Синтаре.

– Бездна, ну почему я должна думать ещё и об этом? – тихонько проворчала Билли, почесывая за ухом придремавшего котенка. – Вот лучше придумаю уже наконец, как тебя назвать…

Придумать она ничего не придумала – ибо задремала вслед за котенком.

И когда проснулась – увидела, что уже почти стемнело, а на краешке постели, вероломно тиская её нового кота, сидит зря помянутый к ночи ублюдок.

Вот ведь трижды грёбаная Бездна!

– Ты не сменила заклинания на двери, – тихо проговорил Мэл, когда пауза между ними стала тяжелее могильной плиты.

Сон как рукой сняло. Этот вонючий кусок предателя и впрямь решил, что его тут ждали?! Билли понадобилась вся её выдержка, чтобы разжать кулаки и поступить как должно взрослому человеку – то бишь спокойно и доходчиво объяснить придурку, что ему здесь не рады. Обрубить уже все концы и больше не возвращаться – ни к этой теме, ни к этому человеку.

– Не думала, что тебе хватит наглости сюда явиться.

С ответом её бывший парень не нашёлся, что даже как-то странно. Вместо этого принялся с удвоенным энтузиазмом наглаживать котенка. Маленький глупыш подставлял ему тощее пузико и громко тарахтел, знать не зная, что за скотина такая усадила его к себе на коленки.

– Какой он славный, – искренне умилился Мэл. – Как его зовут?

– Пока не знаю. Не придумала.

Он кивнул и тут же с натужным смешком прибавил:

– Так ты решила заменить меня котом? Серьёзно, Билли?

– Ну да, конечно, вся моя жизнь же вокруг тебя вертится, – сухо ответствовала Билли, отбросив одеяло и свесив ноги вниз. Она была рада, что озябла и вопреки обыкновению завалилась в кровать, не снимая свитера и старых штанов: нагота её не смущала, но сейчас определенно доставила бы дискомфорт. – И нашла я его на помойке, прямо как тебя. Символично, блин, до усрачки.

Отобрав у Мэла котёнка (да, мелочно, ну и плевать) и усадив того к окошку, глазеть на плетущихся в сторону таверны и борделя выпивох, она скрутила тяжёлые волосы в пучок на затылке, за неимением заколки воткнула в него карандаш и молча вышла из спальни. Мэл, естественно, потащился следом. Не к коту же он заявился, в самом-то деле.

– Вообще-то это был очень даже приличный кабак!

– Зависит от точки зрения.

Не придумав ничего лучше, Билли уселась за кухонный стол и щелчком пальцев призвала пару стаканов да початую бутылку виски.

«Вот так, славно… – приговаривала она про себя, наполняя стаканы и извлекая прямо из воздуха несколько кубиков льда. Затем отправила один бокал в сторону Мэла, нервно мну-

щегося у окна. – И ты даже ничего не разбила об эту уродскую башку! Сдержанная и взрослая. Умница, Билли, папа-некромант гордился бы тобой».

Ну, если уж не кривить душой, башка вовсе не уродская. Вполне такая симпатичная, даже чересчур. Непослушные светло-каштановые кудри красиво обрамляли скульптурно вылепленное лицо с раскосыми глазами, чеканным профилем и твёрдой линией челюсти; выгодно оттеняли и кожу цвета тёмного меда, и лучистую зелень глаз. Да и всё остальное тоже ничего себе, хотя – Билли не могла не отметить из одной лишь вредности – ни высоким, ни сильным, ни великолепно сложенным этого засранца не назовёшь. Но боги компенсировали Мельхиору Кэри недостаток мужественности, с горкой насыпав слащавой красы и несомненного обаяния, заполировав пронырливостью и поразительным нахальством. Он умел нравиться людям и открыто пользовался этим.

– Я слышал о том, что случилось между тобой и Саймоном, – первым снова заговорил Мэл – сама Билли что-то как-то не горела желанием общаться. – Билли, ты не представляешь, как мне жаль… Я так… я… они и впрямь тебя чуть не убили?

– Были довольно близко к этому, – бесстрастно откликнулась Билли, сделав глоток. – Будь я менее сильна, менее шустра, менее сообразительна, менее жестока… Словом, будь я не Билли-шельма, и мой истерзанный труп кремировали бы как раз завтра. Не сомневаюсь, что тебе бы хватило наглости заявиться и на мои похороны. Просто к сведению: если вдруг что – на похороны я тебя не звала.

– Ты совсем поехала, что ли? Не надо так, не смей даже в шутку!..

– А я и не шучу. Честное слово, не звала!

Мэл обжёг её злым взглядом, затем одним махом опустошил бокал и, приблизившись, бросил на стол несколько листков.

– Я раздал всё, что заработал. Меньше всего мне хочется, чтобы ты из-за меня пострадала.

Билли мельком глянула на верхнюю расписку и пожала плечами. Красивый ход, удачная попытка. Да только она не сомневалась, что у Мэла ещё куча долгов; не сомневалась и в том, откуда у него вдруг завелись деньги в таком количестве.

– Снова подался в барыги? Опрометчиво, сладенький. Советую не попадаться полиции, или хотя бы торговать наркотой полегче: я ведь не стану снова вытаскивать твою блудливую жопу из-за решетки.

Мэл со скрипом отодвинул стул и сел рядом. Попытался взять за руку, но Билли её тут же отдернула.

– Билли, хорошая моя, ну не будь же ты такой…

– Какой?

– Равнодушной.

Бешенство схлынуло ещё пару фраз назад, и сейчас Билли впрямь ощущала нечто сродни равнодушию. Как если бы все её чувства к Мельхиору схлынули прочь ещё тогда, когда она увидела его с той девицей. То ли не могла снести подобного предательства, то ли чувства те не были такими глубокими и сильными, как ей воображалось. Она не знала, да и знать уже не хотела. Какая, в Бездну, разница? Нет их больше.

– Не в твоих интересах, – выдохнула она. – Я или буду равнодушной, или возьму что-нибудь тяжелое и буду бить до тех пор, пока твоя безмозглая черепушка не треснет. Поэтому ещё один совет, шалава ты семитаборная: собери свои бумажки и сваливай как можно дальше, пока я *равнодушная*!

Под конец она всё же сорвалась на крик, а в глазах нехорошо защипало. Пусть чувства и схлынули, однако лютая обида всё ещё переполняла до самых краёв.

Вот ещё чего не хватало – плакать по этому никчемному обманщику. Вообще с этим дерьмом пора заканчивать. Билли почти до крови закусила губу, чтобы унять слезливую дурь, и в два глотка допила свой виски.

– Мэл, дорогуша, спектакль с раздачей долгов был великолепен, – она изобразила аплодисменты, издевательски хлопнув в ладоши пару раз. – Но он не сработал. Если это всё, за чем ты явился в мой дом, то предлагаю распрощаться. И да – я сменю эти долбаные входные заклинания, едва ты минуешь один лестничный пролет. Надеюсь, намёк достаточно толстый.

– Да пойми же ты! – выпалил Мэл в отчаянье. – Она для меня ничего не значит!

Билли так и подбросило со стула, до того она взбесилась.

– Это, по-твоему, «ничего»?! Мэл, мать твою, *вы женитесь*! Я уж молчу о том, что у твоей невестушки пузо на подбородок лезет!

– Ну и что теперь? Это нормально – жениться на девушке, которая от тебя беременна. Для неё это важно и… это вовсе не значит, что я её люблю… Ох, богиня Пресветлая, Билли, ну не будь ты такой глупой! Я люблю только тебя, – Мэл тоже вскочил и снова принялся хватать его за руки; пораженная таким нахальством и что уж там, бездушным отношением к будущей женушке, Билли даже не могла его отпихнуть. – Я люблю тебя, слышишь? Билли, я так тебя люблю, а ты просто берешь и всё херишь, потому что кто-то там от меня залетел! Ну хочешь… хочешь, я всё отменю? Не стану жениться на этой бестолковой клуше, в Бездну её, ну только хватит уже этой показной ненависти, Билли, ты мне сердце разбиваешь!

Билли только и могла, что бестолково хлопать глазами. Слов попросту не находилось, даже нецензурных. Так и не дождавшись никакого вразумительного ответа, Мэл схватил её за плечи, притягивая к себе, и с остервенением впился в губы.

«А он всегда был такой мелкий? Ух ты, да мы одного роста!» – была первая мысль, полная истеричного веселья.

Вторая же мысль почти сразу обернулась действием.

Удар вышел такой сильный, что Мэл пролетел через всю кухню, по пути сшиб стул и едва не вылетел спиной в оконный проём. И приложился затылком о подоконник, что тоже небольшая и малодушная, но радость.

Морщась от боли, он кое-как поднялся на ноги и с самым страдальческим видом ощупал челюсть.

– Совсем сдурела?!

– Никогда больше ко мне не прикасайся, – отчеканила Билли, тряхнув занемевшей после удара рукой. – Иначе побитой мордой не отделаешься. Я маг, ты же это помнишь?

С полминуты Мэл молча глядел на неё, разрумянившись от волнения и злости.

А потом маска страдающего в разлуке любовничка предсказуемо отклеилась, и полилось дерьмо.

– Ну и мразь же ты, Билли Фоули, – выплюнул он, отняв ладонь от побитой физиономии. – Злопамятная, заносчивая, себялюбивая мразь! Ну сходил я налево пару раз, так и что с того? И это больше твоя вина, чем моя; ведь я здоровый мужик, в конце концов. Ты могла бы уделять мне побольше времени! Не пропадать сутками на своей работе! А разве я попрекнул тебя хоть раз? Нет, Билли! Как я мог?! Я люблю тебя; я забочусь о тебе; преданно гляжу тебе в рот, какую бы чушь ты ни сказала; боготворю землю, по которой ты ходишь! Зато в ответ получаю сплошные упреки! – Мэл покачал головой и, кажется, с трудом удержался, чтобы не сплюнуть. – Понятное дело: куда мне, человечишке, до крутого мага? И старею-то я слишком быстро, и привилегий не имею, и зарабатываю как придется.

Билли, до того примеривающаяся засветить ему ещё разок, обескураженно опустила руки. Она ненавидела, когда поднималась эта тема. Потому что Мэл был одновременно и прав, и чудовищно несправедлив. Да, Билли родилась в привилегированном сословии… но разве золото ей само на голову сыплется? Разве она многие годы не вкалывала как проклятая, чтобы

стать «крутым магом», притом даже не имея права отказаться? Разве хоть раз использовала отсутствие способностей как оскорбление? Ставила это Мэлу в вину?..

– Мэл, зачем ты так? Мы же не выбираем, кем родиться.

– Ну простите, что *я* не тем родился! Но, знаешь, Элис тоже маг, хоть и слабенький. И ей не противна мысль создать со мной семью. Хотя о чём я? Противно? Да ты обо мне всерьёз никогда и не думала!

– Естественно, я не думала! Мне двадцать шесть, я слишком молода для этого дерьма!

Мэл пожал плечами и неприязненно улыбнулся.

– Здорово! А мне двадцать девять, и через четверть века я уже буду дедулей; а ты, вероятно, найдешь себе такого же зазнавшегося урода, как и ты сама, и будешь счастлива. Это нечестно, Билли. Это просто нечестно!

На сей раз молчание порядком затянулось. Билли едва дышала, переполненная обидой и слезливой яростью; Мэл же, судя по всему, только начал осознавать, что и кому он сейчас наговорил.

– Билли, я…

– Хватит, я поняла, – перебила она, ненавидя себя и свой сдавленный голос, дребезжащий, как старая телега. – Вот я кто для тебя? Уродка и зазнайка, и мразь себялюбивая. Боги, Мэл… ну что же я тебе плохого сделала? Имела наглость работать, пока ты прохлаждаешься и не знаешь, куда бы ещё сунуть член? Прощала твои измены? Платила твои долги? От тюряги тебя отмазывала? Бед-няж-ка!

На Мэла, понявшего, что платить и отмазывать больше не будут, было жалко смотреть. Жалко и почти смешно, не будь оно так до Бездны больно. И противно, да.

– Билли, прости. Я со злости это, ты же знаешь, я никогда… ну… прости!

– Убирайся.

– Билли, пожалуйста, я…

Мэл осёкся. Оконная рама за его спиной задребезжала; миг спустя и вся мебель заходила ходуном.

– Убирайся, – прошипела Билли, не глядя на него. Тускло освещенная кухня наполнилась звоном и грохотом – это с полок падала посуда. – Видит Владычица, я сейчас убью тебя. Я убью тебя. И мне наверняка ничего не будет. Я же маг, и у меня не жизнь, а сплошь привилегии.

Перепуганный до полусмерти, Мельхиор покинул её квартиру едва не бегом. Только когда за ним захлопнулась дверь, Билли позволила себе выдохнуть, а собственной силе – сорваться с поводка.

Остаток вечера и часть ночи она сидела на полу кухни, усадив на плечо испуганного её вспышкой котёнка. Сердито тёрла мокрые глаза, обменивалась ехидными сообщениями с Ханнэ и чинила разбитую вдребезги посуду.

Жаль, что с разбитым вдребезги сердцем этот номер не прокатит.

Ну да ничего, рассосётся как-нибудь. Уродка и зазнайка Билли Фоули не будет убиваться по какому-то жалкому человечишке. Нет и всё тут.

***

На следующий день она уже чувствовала себя слишком хорошо, чтобы хандрить, завернувшись в одеялко. Да и не могла она себе позволить ещё денёк безделья: у Ханнэ имелись ещё четыре заклинателя, однако они не обладали ни опытом, ни сноровкой Билли-шельмы. Со стандартными заготовками и наброской одномерных плетений они прекрасно справлялись, но тонкая настройка артефактов и создание многомерных сетей уже выходила за пределы возможностей. «Билли, чтоб тебя, найди уже подмастерье!» – стенала Ханнэ каждый раз, когда сроки выполнения заказов угрожали полететь к троллям в задницу.

Билли, конечно, полететь ничему не давала, однако и сама прекрасно понимала, что работает на износ. Эдак и до пятидесяти не дожить можно… Вот только не так просто найти помощ-

ника девице, в свои двадцать шесть лет уже способной треть Гильдии за пояс заткнуть. Ни один из четырех помянутых заклинателей с её объемами работ не справлялся, а матёрым гильдейцам строго-настрого запретили иметь с «этой неблагодарной шлюшкой Фоули» какие-либо общие дела. Спасибо Лори Макэлрою, чтоб его демоны пожрали.

Сегодня, впрочем, можно только радоваться наплыву работы. Билли всегда была злопамятна и обидчива, и ссору с поганым на язык кучерявым проходимцем нескоро забудет… А так и польза общему делу, и монетка в карман, и мозги ничем лишним не заняты.

– Ты ещё здесь? – изумилась Ханнэ, выйдя из подвала, где вместе с алхимиком и двумя ювелирами мастерила основу под артефакты. – А как же твой чёрный властелин? Я думала, уже мчишься, теряя тапки.

Билли глянула на часы и со стоном схватилась за голову – к своему чёрному властелину она опаздывала уже на добрый час.

– Ну ладно, я всё равно опоздала. Доделаю и пойду, – решила она в итоге. – У меня тут всего-то два зеркальца осталось.

С двумя зеркальцами она совладала быстро – уже наловчилась накидывать плетения по шаблону. Это на стадии разработки оно было сложно, а сейчас казалось сущей ерундой. Как и само Волшебное зеркало. Ну, промеж собой они звали эту поделку «льстивая стекляшка»: полуразумный артефакт поверхностно считывал мысли и эмоции владельца да знай себе нахваливал его вкрадчивым голоском. Ханнэ, помнится, отнеслась к задумке скептически, однако позволила сделать десяток пробных моделей. Но льстивая стекляшка пришлась народу по вкусу: собеседник из неё вышел получше некоторых людей, да и говорила она всегда только хорошее.

– Уже закончила? – Ханнэ поставила рядом с ней большую чашку какао – горячего, ароматного, с маленькими зефирками и шапкой воздушных сливок сверху. – На вот, наберись сил. Некроотдел – гадкое местечко.

– Спасибо, Хани, ты моя дивная прелесть! – протянула Билли, пододвигая чашку поближе. – Слушай, а куда стекляшек так много-то?

– Это в столицу на реализацию. А уж как они у нас идут… Ох, Билли! Иногда мне хочется обнять тебя, а не придушить, – она счастливо зажмурилась и тут же злорадно прибавила: – Гильдия так и бесится, что не они первые придумали… Хм, по-моему, ты сделала на одно больше.

Билли ответила столь же злорадной улыбочкой и протянула ей овальное зеркальце в красивой мельхиоровой (тьфу!) оправе.

– Это модификация.

Ханнэ зыркнула на неё с подозрением, прежде чем уделить внимание зеркалу.

– Как там бишь? Свет мой зеркальце, скажи…

– Ты ль на свете всех милее? – перебило зеркало желчным, скрипучим голосом, совсем не похожим на переливчатый голосок стандартной модели. – Да, конечно, безусловно. Всё, отвали, пацан!

– Я же девочка! – возмутилась Ханнэ, машинально поправив свои аккуратно уложенные серебристые волосы. Стриглась она очень коротко, однако принять эту утонченную фейскую красотку за мальчика мог только злоязыкий полуразумный артефакт.

– Хреневочка! И что вы все вечно о себе да о себе? А кто спросит, как мои дела?! Я не могу работать в таких условиях!..

Ханнэ выразительно закатила глаза и вернула зеркало его создательнице. А затем задала вопрос, который в их мастерской звучал регулярно:

– Билли, ну на кой демон?!

– Ой, да прикольно же!

– Мудацкое зеркало? Серьезно?

– Ага. И всего-то стоило инвертировать с полдюжины векторов в сети заклинаний, чтобы оно перестало нести всякую слащавую муть, – Билли засмеялась и, хлебнув какао, сцапала злобное зеркало со стола. – Прости, друг, она у меня такая грубиянка. Хм, дать тебе имя какое, что ли…

– Мельхиор, – предложило ехидное зеркало. – Иди парню своему дай, а меня не лапай.

– Расколочу, мерзкая стекляшка!

– Мечтай, лупоглазая. Я неразбиваемое!

Прежде чем Билли и впрямь в сердцах расколотила охамевшее зеркало, Ханнэ забрала у неё артефакт и припрятала в карман пиджака.

– И впрямь забавная штука, если подумать, – усмехнулась она. – Поглядим… Что, этот так и написывает?

Билли раздражённо поморщилась, катая по столу зеленоватый камушек амулета связи.

Если и есть на свете кто-то наглее, неугомоннее и назойливее, чем она сама, то это Мельхиор. Сопливые просьбы-требования то о встрече, то о прощении, то почему-то об осторожности уже перевалили за два десятка. И ведь ни разу не повторился, мерзавец трепливый!

– Наплюй, – велела Ханнэ, присев рядом и отпив из своей чашки. – Скоро угомонится, раз уж нашёл себе новую дуру.

– Да, но пока мне приходится слушать это слезливое нытьё.

Она со вздохом покачала головой.

– Сил уже нет смотреть на эту кислую морду. Билли, ты этих Мэлов можешь хоть целую пачку склеить!.. Так, нет, плохая идея. Давай познакомлю тебя с кем-нибудь? И Найри был бы рад скрасить твой досуг. Он тебя обожает.

– Найри? – смешливо фыркнула Билли. – Драгоценная моя, ты знаешь своего братца лучше меня: он клеится ко всем соплякам без разбору! Было бы смазливое и моложе тридцати.

– Так я ж вам не жениться предлагаю. Просто, ну, отвлечься от… вот этого всего.

– Ханнэ, я в порядке, ладно?

– Я уже пятьдесят шесть лет Ханнэ! Ты *не* в порядке, ладно? – она всплеснула руками в избытке чувств. – Твоя правда, мой Найри – тот ещё блудливый хрен. Но на свете же столько нормальных мужиков!

– Да кому они нужны? У меня теперь кот есть, – пафосно ответствовала Билли, допив какао и поднявшись с места. – И целая толпа некромантов, один другого краше. Пойду я, Хани, и так уже опоздала. Чует моя задница, они там по мне соскучились!

– Несомненно. Привет душке Найджелу, не разбивай его щенячье сердечко.

Билли охотно кивнула, прежде чем накинуть пальто – ослепительно-светлое и жутко маркое, эдакий вызов премерзкой погодке, – и спешно скрыться в холле мастерской.

– Да кому вообще нужен душка Найджел, когда там такой коммандер по допросным шляется? – пробормотала она себе под нос, глуповато усмехаясь.

Нет, сначала она предсказуемо положила глаз на стервозного красавчика Эндрю Бэйли, чья мрачно-желчная физиономия так и манила устроить тому до Бездны весёлую жизнь. Но потом явился Он! Коммандер то бишь. Породистый мужик с хищным профилем и цепкими глазами. Мрачнее и желчнее Бэйли раз эдак в тысячу. И суровее. Как зыркнет, так и не знаешь – то ли во всех грехах кайся, то ли сразу штаны снимай (с него, ну а там уж и с себя можно). Разумеется, выбор тут очевиден, но всё-таки…

Билли смутно помнила этого Эгертона по прежним временам, когда ещё был жив отец. Но в четырнадцать-пятнадцать лет на дружков отца глядишь как на скучных стариканов, из которых песок сыплется. Вот и коммандера Эгертона она запомнила только потому, что имя у того ещё ужаснее «Вильгельмины».

Теперь этот Макс уже не казался таким дремучим стариканом. Да и вообще стариканом. В тёмных волосах проглядывала седина, однако выглядел он лет на тридцать с небольшим. Кто же магов разберет, сколько им там на самом деле?

«Так, он вроде постарше отца лет на… э-э… ну, пусть будет десять, – увлеченно размышляла Билли, поплотнее запахиваясь в пальто и ежась на мерзком холодном ветру, обыденном для весны в Синтаре, – а отцу в конце года минуло бы шестьдесят. Этому, выходит, лет семьдесят? Бездна, а я точно хочу снять с него штаны?»

Сам-то коммандер определенно не против – это не так сложно было прочесть на его каменной роже, если только знаешь, куда смотреть и что искать. Вот Билли знала. (Что скромничать, на неё частенько глядели с таким же немым вопросом – грохнуть, трахнуть или всё сразу?) А ещё она, конечно, знала, что обычно творится в головах у этих трижды долбаных полицейских. Деточку погибшего друга надлежит проводить домой в целости и сохранности, а вовсе не перегнуть через вот этот симпатичный стол.

Хотя и с провожанием вышло забавно. Коммандер без проблем делился куревом, стоически сносил её болтовню и терпеливо ждал, пока она починит очередной неработающий фонарь – «Слева горит восемь, а справа только семь – ты хоть представляешь, ка-ак это бе-е-есит?!» – и снова примется болтать. Честно говоря, Билли тогда с трудом на ногах держалась, но неприступная некромантская физиономия так и манила что-нибудь отчебучить.

Увы, сил хватило, только чтобы чмокнуть разок вредного мудака. И, пока тот пытался сообразить, что это такое вообще было, втихую подсунуть в карман черного кителя свои каракули с колоритными придурками некросами. Всё лучше, чем ничего. Хоть повеселится, бедолага, а то с таким унылым лицом люди долго не живут.

«Ну да ничего, – почти нежно подумала она, разыскивая по карманам мелочь для оплаты портала, – со мной господина коммандера ждёт безудержное веселье. Или я не Билли-шельма!»

Уже когда корпус некроотдела высился неподалеку мрачной громадиной, Билли почувствовала чужую руку на плече и нервно оглянулась.

– Кто это у нас тут, Билли-шельма? – добродушно протянул белобрысый некромант – Френсис, кажется. Да, точно, сержант Френсис-шило-в-жопе-Мюррей. Вон и нашивки, и копна волос всем девицам на зависть, и чудны́е разноцветные глаза – синий да карий. – А я тебя издалека приметил!

– Ну естественно, – усмехнулась Билли. Ясен день, несложно приметить посреди полупустой улицы высокую симпатичную девицу в белоснежном пальто и ярком ультрамариновом платье. – Как дела, Френсис?

– Держу пари, похуже, чем у тебя, – вздохнул тот. Улыбочка покинула его нервную физиономию, но только на миг. – Ну так, некромантские будни, трупье-кишки-отчеты… Особенно ужасны отчеты, конечно. А ты к Максу, да? Он поди и не помнит. Идём, провожу тебя.

Едва они миновали пропускной пункт и поднялись по лестнице в тёмный длинный холл, как Френсис сунулся во вторую дверь слева и громко позвал:

– Найдж, проснись, сегодня твой день!.. Куда-куда пойти? Бёрк, сука, поднял жопу и идешь на шельму свою дышать, пока коммандер её не отжа… э-э… не сожрал!

На трезвую голову Найджел Бёрк казался ещё больше похожим на потерявшегося щеночка – и ещё менее подходящей компанией для кого-то по прозвищу Билли-шельма. Очень симпатичный и до тошноты благонадежный. Впору снести в морг букетик для Саймона: кабы не он, у Билли могло бы стать на одну проблему больше.

– Привет, Найджел, – всё же улыбнулась она Бёрку – тот глазел так, будто явление недобитой шельмы стало лучшим событием за весь день. Хотя не исключено, с его-то работенкой. – Выглядишь уставшим. Всё в порядке?

– Ничего смертельного, трупы и бумажки, – отмахнулся Найджел почти точь в точь как его белобрысый приятель. – Ты к Эгертону? Не знаю, он у себя или нет… ему сегодня весело.

Я ему говорил: давай с групповухой Фоули сам разберусь; он ни в какую. Мол, я сам. Ещё и на хер послал, зараза, – он негодующе покачал головой, точно его впервые послали на три веселых буквы. – С каких пор вообще коммандеры самолично такой ерундой занимаются?

Френсис заливисто расхохотался, что слегка не соответствовало мрачной обстановке некроотдела. Даже Билли, темной магине, было тяжеловато выносить здешнюю атмосферу.

– Найдж, ну ты как вчера родился! Пофиг ему на дело.

– Что, так уж и пофиг? Начальникам вроде не положено на работу забивать, даже ради меня прекрасной, – с усмешкой заметила она, стараясь прогнать неестественное оцепенение. – Френсис, сладенький, ты бы читал поменьше бульварных романчиков. Тебя послушать, так мы как раз в такой дерьмовой книжице. И ваш чёрный властелин типа: «Позвольте же окунуть моё перо в вашу чернильницу!» А я ему: «Нет, нет и нет, старый приставала!» А он такой: «Вы разбиваете мое крохотное ледяное сердце, Вильгельмина!» И я такая: «Охальник, не для вас моя роза цвела!..»

Самозабвенно ржущий Френсис вдруг резко притих; Найджел же, напротив, закусил губу и старался не рассмеяться. Билли протяжно выдохнула.

– Серьезно, парни? Чёрный властелин у меня за спиной, да?

– В самую точку, Вильгельмина, – послышался за спиной вкрадчивый низкий голос. Ещё и ударение на дурацком имени сделал, зараза. – И твоя роза слегка подвяла за те два часа, на которые ты опоздала. А ждать я не люблю.

Билли медленно развернулась, чтобы тут же узреть уже знакомо мрачное лицо, заметно уставшее, будто последние пару суток коммандер некроотдела про сон и слыхом не слыхивал. Но взгляд остался по-прежнему цепким, внимательным и насмешливым. Оценивающим – Билли могла бы поклясться, что прямо сейчас её мысленно вытряхивают из платья, которое она так старательно выбирала. Ярко-синего, плотно облегающего фигуру, с весьма интригующим вырезом…

Ну ладно, ладно. С довольно скромным вырезом. А вот чтобы этот долбаный Эгертон не слишком много о себе воображал.

И всё же этот долбаный Эгертон чуточку *слишком* хорош, чтобы не думать о всяких непотребствах с его участием. Ну никак нет.

– Прости великодушно, *Максимиллиан*, – мстительно улыбаясь, просмаковала Билли каждую букву вычурного имечка. Коммандера ожидаемо передернуло, и поделом, – но я тоже имею несчастье работать клятую работу, и мне, в отличие от некоторых, платят ровно столько, сколько отработала. Мне удалось донести до вашего трёханого некромантского величества причины моей несвоевременной явки? Если да, то давай уже перо в чернильницу окунать, ну или зачем я тут вообще.

– Допускаю, что ваша чернильница, госпожа заклинатель, будет весьма неплохо смотреться на столе. Увы, максимум на столе Мюррея, – Френсис ухмыльнулся, но руками замахал, мол, а что сразу я? – Я несколько придирчив в выборе канцелярских принадлежностей.

– Разумеется, – глубокомысленно покивала Билли, – я вот тоже не любительница всякого старья… прошу прощения – *антиквариата*. Но на твой стол, так и быть, погляжу. Вдруг мне понравится.

И, не дожидаясь, пока коммандер продолжит тему занимательной канцелярии, она зашагала вглубь темного коридора.

– Идём же, Максимиллиан, время позднее!

«Максимиллиан» спешить за своей гостьей не собирался. Зубами скрипнул, раздал приказы (ну или люлей) своим подчиненным и только после этого, когда сама Билли остановилась у ещё одной лестницы, степенно зашагал к ней. Держать лицо коммандер умел, но злился – это ощущалось кожей. На мгновение даже стало страшно входить в распахнутую перед ней дверь. Но деваться было некуда, особенно когда тяжёлая рука легла на спину и подтолкнула вперед.

– Мой стол ждет, Вильгельмина. Располагайся.

Согнав невесть откуда взявшуюся робость (всё эта некромантская муть виновата, не иначе!), Билли пожала плечами и, бросив пальто на стул, расположилась где было велено – на столе. Благо местечко нашлось, прям будто специально для неё придержали. Уселась, поерзала немного для виду и, закинув ногу на ногу, светским тоном уточнила:

– Всё ещё желаешь меня на столе у Френсиса или и так сойдет? Эти антикварные перья, оказывается, такие капризные!

Макс на это вздернул брови. По его лицу пробежала тень, будто он всерьез раздумывал – не перегнуть ли Билли через стол. Не факт, что трахнуть, скорее выпороть – но юбку задрать точно хотел. Прямо сейчас, даже не заперев дверь. Наверное, не слишком дальновидно злить некроманта в его кабинете, ещё и коммандера, в которые, как известно, кого попало не берут. Но Билли не была бы собой, если бы не достала его до печенок. Из чувства противоречия и вредности.

Эгертон, как выяснилось, тоже не так прост. Тяжёлая ладонь вдруг легла на ногу чуть выше колена, несильно сжала, прежде чем скользнуть чуть выше. И ещё выше, уже под юбкой. Взгляд его был отстраненным и равнодушным, правда, только на первый взгляд. На второй же…

– Я желал бы тебя на своём столе. И в несколько другой позе. Но, – рука остановилась выше подвязки чулка, любовно оглаживая внутреннюю сторону бедра и посылая волну лихорадочного жара по всему телу, – это было бы крайне… непрофессионально, Вильгельмина. Так что будь любезна, *детка*, – он наклонился ниже, ухо обожгло горячим дыханием, – сними свою очаровательную задницу с моего рабочего места, сядь в кресло и подпиши грёбаные бумаги. Иначе твоё расчудесное платьице не переживёт нашу встречу.

Вот что её сейчас меньше всего волновало, так это профессионализм коммандера Эгертона. Бездна, можно подумать, они сюда работать пришли!..

Нет, они, может, и впрямь работать пришли, но безудержную фантазию Билли уже было не остановить. Она определенно желала узреть (и потрогать) весь непрофессионализм, на который способен глубокоуважаемый господин коммандер.

Но платьице впрямь было жалко. И то сказать, оно в целых два золотых обошлось!

– Вечно вы, старпёры, только угрожаете, – печально вздохнула она и оттолкнула от себя чужую руку (без особой охоты, что уж там). – Не твоё, вот и не лапай! Полируй своё перо сам, раз такой профессионал. Ха, тоже мне… стол я себе, что ли, не найду?

Она чинно расселась на стуле и с преувеличенным вниманием принялась складывать пальтишко по швам. Покончив со своим нехитрым занятием, искоса зыркнула на коммандера и кротко улыбнулась, приподняв в брови в немом вопросе. Каменная физиономия на миг дала трещину; Макс, кажется, сам не знал – то ли злиться, то ли смеяться, то ли заткнуть-таки рот надоедливой девчонке.

Нет, Билли могла бы подсказать нужный вариант, но где же тут веселье? Пусть сам додумывается, а нет – ну так в их распрекрасном мире и впрямь достаточно столов, годных и разных. На всяких там чересчур горячих некромантах свет клином не сошёлся.

Перед ней бросили папку – стандартную серую, с тоненькой стопкой листков, исписанных аккуратным, красивым почерком. Пожалуй, чересчур витиеватым для такого сурового мужика, как коммандер Эгертон. Ах да, он же какой-то там лорд, пусть и несостоявшийся. Надо бы поинтересоваться.

– Ознакомься и подпиши, если всё верно, – проговорил Макс, прежде чем усесться напротив. Неловко так сел, стараясь не опираться на правую ногу. Потянулся к стоящей на тумбочке бутылке с тёмно-золотистой жидкостью. (Лайхенгарский высокогорный? Недурственно.)

– Пожалуй, – протянул он, наполняя бокал, – стоит напомнить, что в моей власти наградить тебя каким-нибудь пренеприятным проклятием, вроде паралича. После которого *чей-либо*

другой стол тебе может понадобиться очень нескоро. И единственная причина, по которой я не сделал этого до сих пор, – то, что после четырёх трупов тратить свою магию еще и на тебя – недальновидно, – Макс кивнул на виски. – Будешь?

– Благодарю, – вежливо кивнула Билли и, за пару секунд проглядев последнюю страницу, поставила внизу размашистую подпись. (Бездна, и как теперь на перья с чернильницами спокойно смотреть-то?) Но она, конечно, ни в коем случае не могла этим ограничиться. – Ха, а это что сейчас такое было про чужие столы? Какой-то сложный некромантский флирт?

Макс выразительно завёл глаза к потолку. «Боги и богини, *за что*?!» – так и читалось на его усталом лице. Но пузатый стакан для своей гостьи исправно наполнил. После чего одарил её скучающим взглядом. (Вышло довольно бездарно; по крайней мере, по её пристрастному мнению.)

– Откуда такая уверенность, что каждый встреченный тобой мужик мечтает залезть к тебе в трусики?

– Откуда такая уверенность, что на мне вообще есть трусики? – не осталась в долгу Билли. И, вдоволь налюбовавшись выражением коммандерской физиономии, снисходительно махнула рукой. – Ой, да брось! Ты бы не стал меня предупреждать, если бы в самом деле решил проклясть. Вообще никто не станет предупреждать заклинателя! Тем более хорошего, – она подарила коммандеру недвусмысленный взгляд и, не удержавшись, похабно подмигнула. – А я хороша, Макс. Очень даже.

– Хороша, – всё же согласился он. И поди пойми, что именно имел в виду. Интуиция подсказывала – совсем не её заклинательские таланты. – И в том, что мозгов у тебя хватает, не сомневаюсь тоже. Но треплешься больно много.

– Так тебе же это нравится, – дернула плечом Билли, отпивая из бокала и медленно облизывая губы. Виски оказался отличный, даром что она предпочитала другие сорта, менее горелые и с более сложным послевкусием. – И мне тоже нравится, я вообще себя люблю.

– Видимо, недостаточно, раз уж встречалась с этой своей десертной ложечкой. Но да, мне нравится, – Макс медленно отпил из своего бокала, сунул руку в карман и достал портсигар. Подвинул его к Билли вместе со страшноватой фарфоровой чашкой и закурил, откинувшись на спинку кресла. – Угощайся.

– Спасибо, ваше некромантство, у меня нынче всё с собой, – фыркнула Билли, раскуривая собственную сигариллу и обдавая Макса клубами горьковато-свежего дыма. (Тот предсказуемо поморщился, то ли от резкого запаха эвкалиптовых листьев, то ли просто табак с добавками за табак не считая.) И рассмеялась, едва не поперхнувшись. – Ложечка? Типа *мельхиоровая*? Круто, мужик, я запомню. И даже никому не скажу, что ты шутить умеешь. Правда-правда!

– Пообщаешься с мертвяками с моё, и не тому научишься, – меланхолично заметил Макс, чуть улыбаясь уголками губ.

– Некрофилия – не моя тема, – тут же открестилась Билли от сомнительных перспектив – она, конечно, тёмная, да только некромантия совсем уж для… избранных. – Я больше по перьям, чернильницам, рабочим столам…

– …выпендрёжным шмоткам и белым пальто среди весны, – продолжил за неё Макс. – Не холодно?

– Ты что это, типа заботишься о моем здоровье? – Билли вытаращилась на него, восторженно приоткрыв рот. – Это так мило! Но вообще – не стоит, у меня кровь горячая. Во всех смыслах, если тебе интересно.

Интересно-то ему, может, и интересно – вон как обжёг взглядом, будто всерьёз вознамерился проверить прямо сейчас. И Билли совсем, совсем не против…

В отличие от мироздания, которое именно в этот момент решило превратить их уютные посиделки в групповушку.

– Тёмной, Макс, всё очень плохо, – заунывно протянул капитан Хмурая Морда, водрузив перед откровенно раздосадованным шефом небольшую стопку папок. – Висяки тебе собрал, отчеты накатал, пометки приложил, всё как ты любишь… Ознакомься, короче. Да, там опять на пропускном твоя любимая писака толчется. Еле отбился на входе, а теперь с ней Найдж на выходе воюет.

– Грёбаная Бездна! Ну что ей опять от меня надо?

– Да по стандарту: интервью, автограф и трусы на память.

– Не знаю, о ком вы, но в очередь, пожалуйста! В очередь! – не могла не возмутиться Билли, из всего загадочного диалога уловившая главное – на её законную добычу, то бишь Эгертона и его трусы, кто-то смеет покушаться. – Это мой коммандер, я его первая нашла!

Макс покосился страдальчески, но вместе с тем и со странной заинтересованностью – как если бы прикидывал, не натравить ли доставучую шельму на загадочную писаку. Бэйли же, поглядев на неё своими зеленущими глазами, расплылся в насмешливой ухмылочке.

– Наша драгоценная Сара могла бы с этим поспорить, – возразил он и довольно бесцеремонно ухватил Билли за подбородок, заставляя вскинуть голову. – Хотя ты посимпатичнее будешь, это факт.

Оторвать бы к демонам руку этому засранцу… Однако Бэйли странно действовал на неё: одновременно хотелось и отпихнуть, и продлить прикосновение. Хмурый ядовитый гад, но обаятельный, и прекрасно это знает. И красивый, что уж там. От девиц небось отбоя нет.

– Просто у тебя хороший вкус, весельчак, – она улыбнулась как могла самоуверенно.

– Несомненно, сладенькая, – Бэйли со вздохом убрал руку, не забыв напоследок с нарочитой медлительностью проследить кончиками пальцев линию челюсти. – У вас с Найджем впрямь общий сеновал или ты свободна завтра вечером?

Билли покривила бы душой, если бы сказала, что такое нахальство не пришлось ей по душе. Может, ну его, этого коммандера?..

– Ну, вообще-то…

– Я вам не мешаю? – послышался сбоку голос того самого коммандера.

Глубокий, низкий и такой… пробирающий до костей. И вроде бы равнодушный, но Билли могла бы поклясться – её готовы отыметь прямо здесь и сейчас. Даже не выпроводив капитана.

Ну или – и такой вариант нравился уже значительно меньше – убить на месте. И заодно Бэйли, который осмелился протянуть свои лапы. Как только его не прокляли чем-нибудь малоприятным и несовместимым с жизнью? Не иначе только благодаря железной коммандерской выдержке. Ну или Эгертону просто жутко лень объяснять своему начальству, куда делся один из его капитанов.

В край обнаглевший капитан свою ошибку понял быстро – состроил невозмутимую рожу, будто и не было ничего. Хотя ухмыльнулся уж очень красноречиво.

– Ну если только слегка… – он снова обратил свой томный дивнючий взор на Билли. – Прости, сладенькая, мне пора. Если что, ты знаешь, где меня найти.

И, подмигнув ей напоследок – кто бы мог подумать, что Хмурая Морда так умеет? – Бэйли неспешно покинул кабинет.

Кожей чувствуя тяжёлый взгляд, Билли надсадно кашлянула и с усердием принялась тушить окурок в уродливой чашечке. Вот ведь целый коммандер, а монеток на нормальную пепельницу не наскрёб!

– Хм, ну, я тоже пойду… н-наверное.

«А не то меня отсюда вынесут, – закончила она про себя. – Притом сметя веником в совок».

– Мне стоит тебя провожать, *сладенькая*? – поинтересовался Макс, последнее слово произнеся настолько издевательским тоном, что стало даже стыдно. Самую капельку.

– Нет, а зачем? Или господин следователь меня в чём-то подозревает? – весело изумилась она, поднимаясь и сдергивая пальто со спинки стула. – А-а-а, боишься, пойду отвлекать хмуромордого от работы? Ах, мой чёрный властелин, ни к чему так переживать! Норму общения с вашей братией я уже выполнила. Бэйли доведу до сарказма как-нибудь в другой раз.

Макс поднялся следом. Медленно приблизился, не сводя внимательного, цепкого взгляда; забрал пальто из рук, мимолетно коснувшись пальцами ладоней. От этого прикосновения по телу тут же прокатилась горячая волна, куда более ощутимая, чем когда её нагло лапал Бэйли.

– Искренне надеюсь, – проговорил он тихо, зайдя за спину, чтобы помочь одеться, – что от другого раза ты воздержишься.

– И почему бы мне это делать? – нервно усмехнулась Билли, прежде чем развернуться. И тут же понять, что стоит уж слишком близко, а губы щекочет чужое дыхание.

А вот чего она не поняла – когда именно успела оказаться прижатой спиной к шкафу, да так крепко, что ручка одной из дверок больно впилась в поясницу. Ещё бы до этого было дело – ведь в следующий миг уже не дыхание, а сухие, настойчивые губы касались её собственных, жадно сминая, вытесняя из головы все мысли.

Горячо, жарко, непристойно, и ведь дверь даже не заперта…

Она уже почти успела застонать, когда внезапный порыв со стороны коммандера закончился, и её наконец отпустили.

– Вот поэтому. Выход – вниз по лестнице и направо. Никуда не сворачивай, детка.

– Ну и мудак же ты, господин коммандер! – заявила Билли, возмущенная тем, что её так подло выгоняют – и это после такого-то поцелуя! – Так и быть, уговорил. Ухожу. Не сворачиваю. Но! Ещё вернусь!

– Да кто бы сомневался.

Билли на это демонстративно фыркнула и, стараясь удержать по-некромантски невозмутимую рожу, гордо прошествовала к двери.

И только когда та захлопнулась у неё за спиной, позволила себе расплыться в совершенно кретинской улыбке. А потом и вовсе чуть слышно засмеялась, но тут же оборвала себя и даже прикрылась ладонью. Не то чтобы её здесь кто-то мог увидеть, конечно…

– Мать твою, Билли-шельма, да ты по ходу вляпалась, – проворчала она себе под нос.

Вот только ворчание вышло какое-то неискреннее.

Глава 4

«Дорогой дневник, всё покатилось в Бездну», – именно с этих слов стоило бы начинать душещипательные записи о тяжелой жизни коммандера некроотдела в последние несколько дней. Правда, нытье любого рода Максу было не слишком свойственно, да и дневников он никогда не вёл. А стоило бы. Нужно же хоть где-то картинно страдать о своей зазнобе с пафосным имечком «Вильгельмина».

И ведь он обещал, клялся сам себе, что нипочём не станет связываться с малолетней дочкой Фоули, да и вообще с любым малолеткой – собственные нервы таки чуть дороже любой смазливой мордашки.

Должны быть дороже, но не являются – ровно с тех пор, как вертлявая задница Билли Фоули (а ещё пухлые губы, длинные ноги и гибкий стан) появились в жизни Макса. И ведь всего-то прогулялись разок по Синтару! Да только поди теперь объясни самому себе, с чего вдруг так сильно захотелось двинуть по морде наглецу Бэйли, распустившему лапы, а упомянутую задницу утащить в приличную башню. Ну или вон чердак у него какой хороший, заклинателя прятать самое оно.

И ведь это дохрена ненормально – будучи взрослым, степенным мужчиной при приличной должности, испытывать к какой-то мелкой нахалке жуткую ревность, желание и ещё кучу эмоций, о которых Макс прежде знал только понаслышке. Вот Эву он не ревновал никогда,

как и прочих своих девушек. Интересовался, любил, заботился, но чтобы ревновать и хотеть присвоить – никогда.

Достав из кармана рисунок с собственной мордой, Макс невольно улыбнулся и заботливо расправил бумажку. Талантливая девчонка… Интересно, только ли в этом? Да нет, не только. Заклинатель она явно не из рядовых. И за словом в карман не лезет. И мозги в этой симпатичной головке имеются, притом очень неплохие.

Да и целуется, кстати, хорошо…

О боги.

«Так, Макс, ты слишком стар для этого дерьма. И работа сама себя не сделает».

Расправленный листок он поспешно запрятал обратно в карман, чтобы прекратить уже думать о возможных талантах всяких там вздорных девиц. Ещё бы помогло хоть немного…

С бесящей его самого поспешностью Макс разложил перед собой документы по делу Доры Хеймс, а вместе с ним и десяток других за последние два года. Жуткие, кровавые, с изуродованными, освежеванными и выпотрошенными трупами. В общем, ничего нового как для некроотдела; даже есть захотелось – у некросов почтение к трупам весьма размытое. На изображения и описания художеств Зверобоя он пялился уже не первый час, перекладывая, меняя местами документы. Искал общее между жертвами. Зверобой их выбирает по определенному принципу, идя по намеченной тропе, но как он это делает?

А главный вопрос – как ему удаётся настолько хорошо заметать следы, что даже Макс, первый некромант Синтара и четвёртый в Империи, пребывает в замешательстве? Побери Хладная, он мог разговорить полоумного зомби, заставить вампира петь матерные частушки посреди городской площади, а вот допросить бедняжку Дору не способен – проблематично трепаться, когда у тебя нет мозгов. И языка, хотя с этим, видит Хладная, и то было бы меньше проблем.

Можно воззвать к бесплотному духу, но для этого даже Максу требовалось провести ритуал с обязательными жертвоприношениями (на что разрешения ему никто не выпишет); либо вызвать в Синтар Карима Стальфоде, которому вот именно сейчас приспичило отправиться в свадебное путешествие со своей буйной женушкой. Доре торопиться некуда, месяцок она вполне потерпит, а Зверобой, если верить статистике, не побеспокоит их в ближайшее время. По крайней мере, Макс на это очень надеялся – снова расписывать в подробностях, как именно был расчленён и изуродован труп, у него нет никакого желания.

Макс глянул на отчеты, кое-где перечеркнутые, исписанные на полях карандашом, отложил в сторону всякую чушатину вроде личных дел убитых. И вдруг понял, что в голове вертится назойливая мысль, которую срочно нужно вытащить на свет.

– Найджел Бёрк, Эндрю Бэйли, – сжав в руке амулет связи, начал он. – *Ко мне в кабинет, живо.*

Найджел пообещал, что скоро будет, а вот Бэйли молчал долго (Макс успел выкурить сигариллу и прикончить порцию виски), прежде чем ответить сонным, уставшим голосом:

«Ты смерти моей хочешь, шеф?»

Макс удивленно уставился на амулет, не припомнив, чтобы хоть и ворчливый, но крайне педантичный и исполнительный Бэйли хоть раз ослушивался его приказов. Нервы мотал порой похлеще Мюррея, однако положиться на него можно было всегда. И вдруг вспомнил – у некроотдела сегодня была та еще ночка. Не Зверобой, но пятнадцать членов одной семьи, обнаруженные мертвыми в доме одного из местных лордов, обеспечили работой всю ночную смену. Вскрыть, поднять, допросить каждого, занести всё в отчеты… Макс искренне сочувствовал отряду Бэйли, которому выпало ехать на вызов.

– Не хочу, пригодишься. Отдыхай.

Получив ехидное «Не скучай там без меня», Макс хмыкнул. Было бы когда скучать – то Зверобой, то двинутая Сара Хоган, то Билли-шельма со своей… чернильницей.

Он постучал пальцами по столу, раздумывая, чьи мозги могут сравниться с Эндрю. На ум пришёл только Френсис шило-в-заднице Мюррей, которому вообще-то тоже полагалось отсыпаться после весёлой ночки, однако Макс точно видел его в отделе. Притом каких-то четверть часа назад.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.